

ЛЬВОВА

БОСС

или

Ляда Степа Достань Воробушка

Елена Львова

**Босс или дядя Степа
достаць воробушка**

«Автор»

2026

Львова Е.

Босс или дядя Степа достань воробушка / Е. Львова — «Автор»,
2026

— Мама, я нашёл папу! Заявляет мой шестилетний сын, а я застываю в недоумении. Потому что "папа" - это босс из вражеской фирмы, которого я должна уничтожить. Я пришла в офис Степана Макарова ради сделки, от которой зависит будущее, а вместо этого получила побег хомяка, сорванное первое впечатление и босса, которого лучше не доводить. Теперь мне остаётся только одно: взять себя в руки и закончить начатое, потому что если я откажусь - потеряю куда больше, чем деньги, работу и репутацию.

© Львова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Надежда	5
Глава 2. Степан	8
Глава 3. Надежда	11
Глава 4. Степан	16
Глава 5. Надежда	20
Глава 6. Степан	23
Глава 7. Надежда	26
Глава 8. Степан	31
Глава 9. Надежда	35
Глава 10. Степан	38
Глава 11. Надежда	42
Глава 12. Степан	48
Глава 13. Надежда	51
Глава 14. Надежда	54
Глава 15. Степан	58
Глава 16. Надежда	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Елена Львова

Босс или дядя Степа достань воробушка

Глава 1. Надежда

Телефон вибрирует в тот момент, когда я одной рукой пытаюсь застегнуть молнию на юбке, а второй удержать Шурика, решившего переселиться из клетки в карман моего пиджака.

— Не сейчас, — шепчу я хомяку. — Не сейчас, пожалуйста.

Шурик фыркает и вцепляется в ткань.

Я бросаю взгляд на экран. Тамара Ивановна. Няня.

Сердце ухает вниз. Только не это. Только не сегодня. Няня должна быть уже здесь, но она звонит. Ой, не просто так. Она точно не звонит «передать привет», скорее «предупредить о катастрофе».

— Доброе утро, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Наденька, милая, я так виновата. — Голос няни дрожит. — У меня температура, и давление скакнуло. Врач сказал лежать. Я сегодня не смогу...

Я закрываю глаза.

Сегодня. Не смогла. Именно сегодня. В первый день, когда я должна появиться в офисе Макарова с идеальной укладкой и показать себя великим профессионалом.

Сегодня, с учетом того, что Корсаков лично инструктировал меня вчера вечером: *«Соболева, никакой самостоятельности. Ты юрист. Твоя задача — смотреть, слушать, запоминать. Громов не должен заподозрить.»*

— Конечно, Тамара Ивановна, — говорю я, чувствуя, как Шурик наконец выигрывает битву и юркает в карман пиджака. — Отдыхайте. Я... что-нибудь придумаю.

И мысленно добавляю: потому что если я сегодня облажаюсь, второго шанса мне никто не даст.

Я сбрасываю вызов и смотрю на себя в зеркало.

Из зеркала на меня смотрит женщина, которая должна сегодня изображать уверенного, холодного юриста из престижной фирмы. Вместо этого я выгляжу как человек, которого только что сбил автобус, полный хомяков.

— Мам! — из коридора доносится голос Миши. — А Шурик куда делся?

Я медленно опускаю взгляд на оттопыренный карман пиджака. Оттуда торчит розовый нос и две круглые бусины глаз.

— Он здесь, — говорю я. — Он всегда там, где не нужно.

Я вытаскиваю хомяка, который отчаянно цепляется за ткань, и запихиваю обратно в клетку, стараясь не думать о том, что будет дальше.

У меня нет выбора. Никакого. Няни на замену не найти за двадцать минут, детский сад Миша не посещает (Воронцовы не разрешили, сказали: «Пусть дома сидит, безопаснее»), а оставить шестилетнего ребенка одного даже на час я не могу. Не после всего. Не после всего, что уже было.

Я смотрю на Мишу. Он стоит в дверях в своей любимой футболке с динозавром, взлохмаченный и серьезный.

— Мы поедем с тобой? — спрашивает он так спокойно, будто это уже решено.

— Ты поедешь со мной, — говорю я. — Шурик останется дома.

— Ну почемуууу?

— Потому что это очень важная встреча. И пока я буду разговаривать с дядей, ты будешь тихо сидеть в углу и смотреть мультики. Ни к кому не пристаешь и не задаешь вопросов.

— А Шурик тоже будет сидеть тихо. Ну мааам, ну можно он с нами поедет, - Миша наморщил нос и жалобно смотрит мне в глаза.

— Нет, малыш, не в этот раз, — твердо повторяю я. — Шурик остаётся дома. Понял? Миша кивает. Кивает так серьезно, так по-взрослому, что я почти успокаиваюсь.

— Понял, — говорит он. — А дядя, с которым ты работаешь, он какой?

— Никакой, — я застегиваю молнию на юбке и беру папку с документами. — Ты его не увидишь. Ты будешь сидеть в приемной и...

— А как его зовут? А он злой?

— Миша, — я приседаю перед ним на корточки. — Мы заходим, я оставляю тебя в приемной с секретаршей, захожу к нему на полчаса, мы обсуждаем... бумажки, и я выхожу. Все. Ты даже не узнаешь, какой он. А зовут его Степан Евгеньевич Макаров.

Миша хмурит брови и задумывается.

— Мам, а Степан Евгеньевич — это дядя Стёпа?

Мне вдруг становится смешно. Как мило и искренне ребёнок превращает жесткого босса в комедийного персонажа.

— Да, это дядя Стёпа.

Миша смотрит на меня с сомнением. В свои шесть лет он обладает способностью смотреть так, будто знает что-то, чего не знают взрослые. Иногда это пугает меня. Но чаще заставляет улыбаться.

— Тогда ладно, — говорит Миша. — Я его знаю. Ты мне читала про него книжку.

— Это совсем другой дядя Стёпа. — вздыхаю я. — И нам уже пора. Пойдём.

— Пойдём, — кивает Миша.

Я выпрямляюсь, папку с документами, сумку, Мишу за руку и смотрю на свое отражение в последний раз.

Я опаздываю. Я выгляжу так, будто меня собирали из запчастей. И я везу с собой шестилетнего ребенка в офис человека, который, по словам Корсакова, «не выносит ничего, что нельзя контролировать».

— Это просто один день, — говорю я вслух. — Один день. Ничего не случится.

Миша вдруг вырывает руку и бежит обратно.

— Я писать хочу.

Я прислоняюсь к двери и радуюсь тому, что на улице глубокая весна и мне не придётся по полчаса раздевать и одевать ребенка.

Через пять минут мы уже садимся в такси.

Офисный центр «Северная башня» оказывается именно таким, как я и представляла.

Стекло, бетон, острые углы. Холл высотой в три этажа, где каждый шаг отдается эхом, а охранники на входе смотрят с подозрением на каждого входящего.

Я вхожу в стеклянные двери с папкой в одной руке и Мишей в другой. Охранник на входе поднимает бровь так высоко, что она едва не уходит под козырек фуражки.

— Доброе утро, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал профессионально. — Я к Степану Евгеньевичу. От «Легал-Альянс».

Охранник переводит взгляд с моего лица на Мишу, потом обратно.

— У вас... — он запинается, явно подбирая слова. — У вас прием?

— У меня встреча. В девять тридцать. — Я смотрю на часы. Девять двадцать пять. — Я не опоздала.

— Вы не опоздали, — медленно говорит охранник. — Но у нас...

— Я буду тихо себя вести, — вмешивается Миша, глядя на охранника снизу вверх. — Честно. Он только посижу в уголке.

Охранник смотрит на Мишу, потом на меня, потом, кажется, мысленно сдается.

— Восьмой этаж, — говорит он, протягивая пропуск. — Лифты направо.

В лифте Миша прижимается ко мне и шепчет:

— Мам, а он правда злой? Дядя Стёпа?

— Он не злой, — говорю я, глядя, как цифры этажей загораются одна за одной. — Он просто... серьезный. И не любит, когда что-то идет не по плану.

Лифт останавливается. Двери разъезжаются, и я шагаю в приемную, которая больше напоминает зал ожидания для космических путешественников. Стекло, хром, белый диван, за которым открывается вид на весь город. Секретарша за стойкой — молодая женщина с идеальной укладкой и улыбкой, подходящей на все случаи жизни.

— Надежда Соболева к Степану Евгеньевичу, — говорю я, стараясь не замечать, как взгляд секретарши скользит по Мише. — Я по предварительной записи.

— Да, конечно, — секретарша профессионально улыбается. — Степан Евгеньевич ждет. Только...

Она смотрит на Мишу.

— Он со мной, — говорю я твердо. — Няня заболела. Это на один день. Он посидит здесь, в приемной, я уверена, он никому не помешает.

Миша кивает с максимально ангельским выражением лица.

Секретарша переводит взгляд ниже. И этот взгляд мне не нравится.

— А это...

— Это хомяк, — говорит Миша. — Его зовут Шурик. Он со мной.

Шурик, торчит из кармана ветровки Миши.

Я зажимаюсь.

Секретарша открывает рот, но в этот момент дверь за ее спиной открывается, и голос — низкий, холодный, без единой эмоции, такой, который не задаёт вопросов — произносит:

— Соболева? Заходите.

Я открываю глаза.

В дверях стоит мужчина. Высокий, темный костюм, белая рубашка, галстук затянут так туго, что кажется, он душит своего владельца. Лицо жесткое, скуластое, с глазами такого холодного серого цвета, что я на секунду забываю, как дышать. И зачем вообще сюда пришла.

Это Степан Макаров.

Я видела его фото в досье, но фото ввали. Они не передают той силы, которая исходит от него, как от включенного трансформатора.

— Я... — начинаю я.

— Мам! — голос Миши звенит в тишине приемной так громко, что секретарша вздрагивает.

Степан переводит взгляд на Мишу.

Миша смотрит на Степана долго и внимательно. А потом он улыбается с какой-то искренней радостью.

— Мам, — продолжает Миша, не отрывая глаз от Степана. — Я нашел папу.

Глава 2. Степан

— Не понял, — говорю я.

На самом деле я прекрасно расслышал каждое слово. Но мне нужно пару секунд, чтобы разложить услышанный абсурд по местам и не дать лицу выдать ничего лишнего.

Передо мной Надежда Соболева, юрист из «Легал-Альянс». Её я жду - мы должны обсуждать важную сделку по слиянию. Но рядом с ней растрёпанный мальчик лет шести в футболке с динозавром, который скалится во все зубы. Из кармана его ветровки торчит розовый нос и две круглые бусины глаз.

Я не верю своим глазам. Хомяк.

И, чтобы добить меня окончательно, этот мальчик только что на всю мою приёмную объявил:

— Мам, я нашёл папу.

Марина за стойкой замирает с приоткрытым ртом. Соболева заметно бледнеет. Мальчик, наоборот, светится от счастья и смотрит на меня с таким довольным видом, будто только что всё для себя понял.

Он смотрит на меня без тени сомнения, и это уже начинает меня злить.

— Я, кажется, не расслышал, — произношу я ровно.

— Он не это имел в виду, — говорит Соболева и тут же сбивается. — То есть, именно это он и сказал, но...

Она обрывает себя на полуслове и сильнее сжимает папку. Мальчик поворачивается к ней.

— Мам, ну а что? — спрашивает он. — Я же правда его нашёл.

Мне надо закончить этот цирк сразу. Попросить Марину вызвать охрану и отправить Соболеву вместе с её веселой компанией обратно в её «Легал-Альянс». Развернуться и уйти обратно в свой кабинет. Или сразу позвонить её начальнику Корсакову, который, видимо, решил проверить, где у меня предел терпения.

Но я не двигаюсь.

Вместо этого спрашиваю:

— Это ваш сын?

Соболева поднимает на меня усталые, но собранные глаза.

— Да, — отвечает она после короткой паузы. — Мой.

Мальчик продолжает смотреть на меня так, будто ждёт от меня ответной радости.

Краем глаза замечаю, что хомяк в его кармане начинает шевелиться.

Соболева, видимо, тоже.

— Миша, не... — начинает она.

Но уже поздно.

Рыжий комок вылетает из кармана, шлёпается на пол и с неожиданной скоростью несётся в сторону моего кабинета.

Марина тихо ахает.

Мальчик радостно орёт:

— Шурик!

Я на секунду закрываю глаза. Вот только этого мне не хватало. Когда я открываю их снова, хомяк уже проскальзывает между моей ногой и дверным косяком.

— Чёрт, — шепчет Соболева и, забыв про папку, субординацию и всё остальное, бросается за ним. Мальчик, разумеется, следом.

Я за ними, потому что на моём столе лежат очень важные документы, и чёрт возьми, это мой кабинет, а не арена цирка!

Когда я вхожу в кабинет, Шурик уже на ковре и через секунду он исчезает под столом. Соболева падает на колени и пытается заглянуть под него.

— Прекратите это, — говорю я.

Она резко вскидывает голову.

— А что вы предлагаете? — шипит она. — Позвать хомяка по имени и попросить выйти с поднятыми лапами?

— Я предлагаю вам встать и дать моим сотрудникам решить эту проблему.

— Вашим сотрудникам? — Она смотрит на меня так, будто я предложил вызвать сапёров.

— Вы хотите, чтобы толпа людей гонялась за хомяком по кабинету?

— Хочу, чтобы эта ситуация закончилась.

— Тогда не мешайте. Я справлюсь сама.

Она ныряет под стол. Я смотрю на её ноги в туфлях на каблуках, на юбку...

— Вы не справляетесь, — замечаю я.

Из-под стола доносится приглушенное:

— Заткнитесь.

Мальчик падает на ковёр на живот и начинает заливисто смеяться и комментировать.

— Мама, мама, вот он. Лови скорее! Вон же! Ой, не могу.

— Да прекратите этот цирк, наконец! — рычу я.

Она вскидывает голову из-под стола.

— Цирк? Вы называете это цирком?

— А как назвать ситуацию, когда юрист из солидной фирмы ползает на карачках по моему кабинету?

— Форс-мажором, — цедит она. — Который больше не повторится.

— Зачем вообще вы привезли в офис грызуна?

— Это хомяк.

— Какая разница?

— Вообще-то огромная.

— Мам, он там! — радостно сообщает мальчик и переползает ближе к столу.

— Миша, не лезь! — одновременно говорим мы с Соболевой.

Получается слишком слаженно для людей, которые знакомы две минуты. Соболева на секунду замирает, потом резко отворачивается и снова тянется под стол.

Шурик неуловим.

Мальчик, наоборот, совершенно счастлив. Для него это не катастрофа. Для него это отличный день.

— Шурик, — зовёт он тихо. — Выходи. Тут никто не злой. Ну, почти.

Я опускаю на него взгляд.

— Почти?

Он смотрит на меня снизу вверх с предельной серьёзностью.

— Ну да. Ты просто пока не привык.

— Не привык — к чему?

— К нам. — Он говорит это спокойно, как уже решённый вопрос. — Ничего, привыкнешь.

«К вам? Я не собираюсь к вам привыкать», — думаю я, но молчу

Соболева закрывает лицо рукой.

— Миша.

— Что? — Он моргает. — Я же правду сказал.

Шурик в этот момент выскакивает из-под стола прямо к ножке кресла.

Мы с Соболевой тянемся к нему одновременно и наши руки сталкиваются. У неё теплая ладонь, а у меня пальцы холодные. Она дёргается и тут же пытается убрать руку, но поздно: хомяк меняет направление, и нам обоим приходится наклониться ближе. Настолько близко, что я чувствую её духи.

Она замирает на полсекунды, потом резко выдыхает:

— Да поймите же вы его.

— Это вы его привезли, вы и ловите.

— Я его не привозила. Это он сам.

— Отлично. Самостоятельный хомяк. А говорите «не цирк».

Мальчик садится на ковёр и начинает тихо хихикать.

Шурик делает ещё один рывок, но тут я оказываюсь быстрее. Накрываю его ладонью прежде, чем он добирается до тумбы с бумагами.

Есть. Хомяк замирает у меня в руке и возмущённо шевелит усами.

В кабинете становится тихо. Соболева так и остаётся на коленях на ковре. Прядь волос выбилась из укладки и легла на щёку. Мальчик смотрит на меня, как на супергероя, и мне это не нравится.

Я встаю первым.

— Всё, — говорю холодно.

Соболева тоже быстро поднимается, пытаюсь снова стать юристом, а не женщиной, которая ползала по чужому коврику за хомяком.

Я протягиваю ей Шурика.

— Итак. Давайте без самодеятельности, — говорю я. — Второго такого номера в моём офисе я не потерплю.

— Степан Евгеньевич, я...

— Нет. Сейчас говорю я.

Она замолкает.

Мальчик смотрит на меня огромными глазами.

— Вы пришли на переговоры, — продолжаю я. — Меня не интересует, почему вы приехали сюда с ребёнком и хомяком. Меня сейчас волнует только одно: если это повторится, разговор будет закончен и для вас, и для вашей фирмы. И для Корсакова, впрочем, тоже.

Она сжимает губы. Значит, услышала меня правильно.

— Вы меня услышали? — спрашиваю я.

— Да, я прекрасно слышу.

— Хорошо. Тогда сейчас вы приводите себя в порядок, успокаиваете сына и объясняете ему, что он тихо сидит в приёмной и следит за своим грызуном.

Мальчик хмурится.

— Но...

— Миша, — резко говорит Соболева.

Он замолкает и поджимает губы.

Я перевожу взгляд на неё.

— У вас пять минут, — говорю я. — Потом вы заходите ко мне одна. Если, конечно, способны вести переговоры как юрист.

Я уже поворачиваюсь к столу, когда слышу за спиной тихое и злое:

— Я способна.

Оборачиваюсь. Соболева стоит с хомяком в руках и сыном рядом. В глазах смесь раздражения и упрямства.

Уже лучше.

— Посмотрим, — говорю я.

Глава 3. Надежда

Когда дверь кабинета закрывается, я понимаю, что вцепилась в Шурика так, будто без него сейчас просто рассыплюсь. Под взглядом секретарши с идеальной укладкой это особенно унижительно.

— Мам, а он всегда такой? — шепчет Миша.

— Какой?

— Большой и злой.

— Он не злой, — отвечаю я и тут же морщусь. — Ладно, забудь.

Марина делает очень вежливое лицо и смотрит в монитор. Умная женщина. Я бы тоже хотела сделать вид, что ничего не произошло.

Опускаюсь перед Мишей на корточки.

— Слушай меня внимательно. Сейчас ты сидишь тихо. Так, чтобы тетя Марина через пять минут начала сомневаться, был ли ты тут вообще.

— А я громкий?

— Ты обаятельный. Это разные вещи.

Он хмурится, но кивает. Я поправляю ему ворот, смахиваю с плеча невидимую пылинку и понимаю, что просто тяну время.

У меня горят уши. Под коленями до сих пор тянет после этого дурацкого рывка к креслу. И хуже всего то, что я помню его руку. Холодную, жесткую, уверенную.

— Мам, — Миша трогает меня за рукав. — Ты у меня самая красивая.

— Спасибо. Очень вовремя.

Я выдыхаю и все-таки улыбаюсь.

— Значит так. Больше никому не говоришь, что нашел папу. Особенно ему. Договорились?

— Почему?

— Потому что это не смешно.

— А я и не шучу, — спокойно отвечает он. — Я же вижу.

После его «я же вижу» мне обычно уже нечего сказать.

— Миша.

— Что? Он большой. И дядя Степа был большой и всех спасал.

Я закрываю глаза.

Марина за стойкой негромко кашляет и протягивает мне трехлитровую банку для Шурика.

— Сравнить будем дома, — говорю я, пересаживая хомяка в банку. — А здесь ты сидишь тихо, рисуешь и не выпускаешь Шурика.

— А если он сам?

— Сам он не выберется.

Я глажу сына по голове и встаю.

Иду в туалет. Смотрю на себя в зеркало. Прядь выбилась, взгляд поплыл, пиджак после утреннего хаоса выглядит так себе. Я поправляю волосы, одергиваю лацканы, закрываю глаза, выдыхаю и снова смотрю на свое отражение.

— Ну вот. Уже лучше, — говорю я. — А теперь идешь и работаешь.

Когда я возвращаюсь, Марина уже поставила на столик воду и карандаши. Это хорошо. Значит, шанс пережить следующий час без новых катастроф все-таки есть.

— Степан Евгеньевич ждет, — говорит Марина.

Захожу и закрываю за собой дверь.

Макаров уже сидит за столом. На столе лежит моя ручка. Рядом с документами. Аккуратно. Как улика.

— Садитесь, — говорит он.

Я сажусь.

Он берет ручку, крутит между пальцами и кладет ближе ко мне.

— Вы забыли.

— День не задался.

— Я заметил.

Он открывает папку, и от утреннего хаоса не остается ничего. Передо мной снова не мужчина, который пять минут назад гонялся за хомяком по кабинету, а человек, привыкший держать все в руках. Лицо жесткое. Голос сухой. Взгляд такой, что сразу хочется отвечать без лишних слов.

И это, как ни странно, приводит меня в чувство.

— Итак, — говорит он. — Сроки, риски, слабые места. Ближе к делу.

Я открываю документы.

— У вас проседает подготовка. Часть справок собрана по старому шаблону, две доверенности оформлены неряшливо, а раздел с обременениями вы явно собирались дотягивать в последний момент.

Он поднимает глаза спокойно, без суеты, и от этого становится еще неприятнее.

— И все это вы увидели за пять минут?

— Я успела прочесть документы.

— И сразу решили, что можете так разговаривать?

Я кладу ладонь на папку, чтобы он не увидел, как дрожат пальцы.

— Я пришла сюда работать.

Он смотрит на меня в упор. Несколько секунд. Потом коротко кивает:

— Продолжайте.

Дальше становится чуть легче. Он слушает всерьез. Перебивает только там, где у него есть возражения. Я отвечаю. Он режет формулировки. Я держу удар. Один раз он останавливает меня на полуслове.

— Нет. Еще раз. Коротко и без воды.

Я медленно втягиваю воздух.

— Хорошо. Коротко: первый пакет у вас сырой. Если хотите пройти его быстро, придется чистить почти все.

Он откидывается на спинку кресла. Постукивает пальцем по столу. Один раз. Второй.

— Смело, — говорит он.

— Это комплимент?

— Это наблюдение.

Из приемной доносится Мишин голос. Что-то про карандаши. Потом смех Марины. Я невольно поворачиваю голову к двери.

Макаров это замечает сразу.

— Вы все время прислушиваетесь, — говорит он.

— Потому что там мой сын.

— Он не один.

— Я в курсе.

— Тогда сосредоточьтесь.

Я перевожу взгляд обратно на него.

— Я и так сосредоточена.

— Нет, — говорит он спокойно. — Вы пытаетесь одновременно работать и контролировать, что происходит за дверью. Так не получится.

Я сжимаю губы.

— У меня не было выбора.

Он чуть склоняет голову. Без сочувствия. Просто фиксирует.

— У всех есть выбор.

— Да что вы говорите.

Фраза вылетает сама. Я сразу это понимаю.

В кабинете становится тихо.

Макаров не повышает голос и даже не меняется в лице. Просто смотрит дольше обычного, и мне становится куда менее уютно, чем если бы он просто сорвался.

— Закончили? — спрашивает он.

Я заставляю себя не отводить взгляд.

— Простите. Это было лишнее.

— Да, — говорит он. — Было.

Он закрывает папку, но не до конца. Просто кладет ладонь сверху.

— Еще раз. Я не просил вас привозить сюда ребенка. И меня не устраивает такой формат работы. Но пока вы здесь, я рассчитываю на одно — что вы будете вести себя как юрист, а не как человек, которого слишком легко выбить из равновесия.

Я чувствую, как вспыхивают скулы.

— Я поняла.

— Хорошо.

Он снова открывает папку, и мы еще минут десять идем по основным пунктам. Уже без лишних выпадов. Сухо. Жестко. По делу. Я успеваю собрать себя обратно. Он это тоже видит.

Под конец он смотрит внимательнее. Холодно, но уже без прежнего пренебрежения.

— Вы действительно читали документы, — говорит он.

Я поднимаю брови.

— Это должно меня обрадовать?

— Это констатация, — отвечает он. — Не больше.

Я киваю.

Он встает первым. Значит, встреча закончена.

— На сегодня все, — говорит он. — Завтра в то же время.

Я тоже встаю.

— Поняла.

Он подходит к двери, открывает ее и добавляет, уже не глядя на меня:

— И Соболева... разберитесь со своими обстоятельствами до того, как войдете завтра в мой кабинет.

Я выхожу в приемную с прямой спиной.

Только там понимаю, что все это время держала плечи так, будто по ним можно резать стекло.

* * *

Домой мы приезжаем поздно.

Я скидываю туфли у порога, прислоняюсь спиной к двери и на пару секунд закрываю глаза. В квартире тихо.

Миша уходит в комнату, но почти сразу выглядывает из-за двери.

— Мам, а завтра мы опять к нему поедem?

— К кому?

— Ну к дяде Степе.

Я медленно снимаю пиджак.

— Во-первых, он не дядя Степа. Во-вторых, завтра ты останешься с няней, — говорю я и мысленно скрещиваю пальцы.

— Ну ма-ам.

— Миша...

— Что? Я с ним даже не поговорил.

Я смотрю на него и понимаю, что спорить бесполезно.

— Иди мой руки. Все разговоры потом.

— Я так и знал, что ты согласишься, — важно сообщает он и исчезает в ванной.

Через минуту звонит телефон.

Я вижу имя на экране и сразу выпрямляюсь.

Людмила Сергеевна.

Вот только этого мне сейчас и не хватало.

— Да, Людмила Сергеевна, — говорю я как можно ровнее.

— Наденька, добрый вечер. Вы дома?

— Да.

— Как хорошо. А то я весь день думала, как вы там. Миша не устал?

Я иду на кухню, упираюсь ладонью в стол и смотрю в темное окно.

— Нет. Все в порядке.

— Мы же переживаем. Ты не обижайся, но мальчику все-таки нужен порядок.

Я прикрываю глаза.

Началось.

— У него есть порядок.

— Наденька, не надо сразу в штыки. Мы же как лучше. Просто Николай Петрович сказал, что видел вас сегодня возле этого большого офисного центра. Ты туда ездила?

Я сильнее сжимаю телефон.

— Да. По работе.

— С ребенком?

— Да.

Пауза выходит маленькая, но неприятная.

— Это все не игрушки, — мягко говорит она. — Мальчику не место в чужих офисах.

— Мне не с кем было его оставить.

— Можно было предупредить нас.

Я усмехаюсь без звука.

— И что бы изменилось?

— Мы бы что-нибудь придумали.

Это «мы бы что-нибудь придумали» я слышу уже третий год. Обычно после него мне объясняют, где именно я опять все сделала не так.

— Людмила Сергеевна, — говорю я, — сейчас уже поздно. Миша дома. Я дома. День закончился.

— День закончился, а вопросы остались, Наденька.

Вот теперь ее голос меняется. Все такой же мягкий, но уже плотнее. Холоднее.

— Какие именно вопросы?

— Ты хорошая девочка, но пойми нас правильно. По документам Миша находится под нашей опекой. И если мы увидим, что ему тяжело, нервно или небезопасно, нам придется вмешаться.

У меня мгновенно пересыхает во рту.

В кухню вбегает Миша с мокрыми руками.

— Мам, а я завтра могу взять с собой синий карандаш? Зеленый уже короткий.

Я отворачиваюсь к окну, чтобы он не видел моего лица.

— Да, можешь, — говорю ему и снова в телефон: — Я вас услышала.

— Мы же не враги тебе, Надя.

Хуже всего, что она говорит это тем самым мягким голосом. Тем, которым обычно успокаивают, а не предупреждают.

— Я поняла, — отвечаю я. — Но решать, что тяжело Мише, пока буду я.

— Пока — хорошее слово, — мягко замечает она.

У меня леденеют пальцы.

— Доброй ночи, Людмила Сергеевна.

Я сбрасываю звонок раньше, чем она успевает добавить что-нибудь еще.

Миша уже забирается на стул и смотрит на меня снизу вверх.

— Это бабушка?

— Да.

— Она опять переживает?

— Да. Она тебя любит.

Он серьезно кивает, потом сразу спрашивает:

— Мы завтра к нему поедem?

Я смотрю на сына. На мокрые руки. На серьезное лицо. На синий карандаш, который он уже держит наготове, будто завтрашний день давно решен.

И в этот момент до меня наконец доходит одна простая вещь.

Сегодня я рисковала работой.

А потерять могу гораздо больше.

— Да, — говорю я. — Мы завтра к нему поедem.

И впервые за весь день меня пугает не Степан Макаров.

Глава 4. Степан

К восьми утра у меня на столе лежат три вещи, которые я сейчас особенно не хочу видеть: финансовый отчет, папка по слиянию и новый иск.

Я снимаю пиджак, кладу его на спинку кресла и открываю первую папку.

Чистый убыток.

Сухие цифры, от которых у нормального человека должен дернуться глаз. У меня дергается челюсть. За последний квартал мы просели сильнее, чем прогнозировали даже в самом паршивом сценарии. Один из ключевых контрактов встал. Два платежа зависли. Банк уже начал задавать вопросы таким вежливым тоном, после которого обычно заканчиваются разговоры про партнерство и начинаются разговоры про обеспечение.

Я перелистываю страницу.

Картина все та же: если мы не закроем слияние быстро, компания начнет тонуть уже всерьез. Сначала просадка, потом паника, потом люди начинают просто разбегаться.

Во второй папке — иск.

Свежий. Подан вчера вечером. Один из подрядчиков решил, что сейчас отличное время вспомнить старые претензии и попытаться выбить с нас деньги. Сумма не смертельная, но момент выбран идеально. Если история пойдет дальше, она добавит нам еще один груз туда, где и без того все трещит.

Я дочитываю до конца, закрываю папку и нажимаю кнопку селектора.

— Илья, ко мне.

— Уже иду, шеф.

Он появляется быстро, с планшетом в руках и лицом человека, который по одному моему голосу понял: утро дрянь.

— Что по банку? — спрашиваю я.

— Пока вежливо нервничают, — отвечает он. — Но уже намекают.

— По иску?

— Юристы подняли документы. Говорят, отбиться можно. Но быстро не получится.

— По слиянию?

Илья делает паузу. Очень не люблю такие паузы.

— Если коротко, — говорит он, — мы не можем больше тянуть. Вообще.

Я киваю. Это я и без него вижу.

— Внутренний юротдел?

— Не вывозит.

— Ясно.

Он молчит секунду, потом осторожно добавляет:

— Шеф... Корсаков же прислал для слияния своего юриста. Говорят, она профессионал.

Я поднимаю на него взгляд.

— И вчера она устроила цирк в моем кабинете.

— Но цирк цирком, а по документам лучше нам не найти. По крайней мере быстро.

Вот это и бесит больше всего.

Потому что он прав.

Я откидываюсь на спинку кресла. На столе лежит тонкая синяя ручка. Соболева вчера ее забыла. Я собирался отдать ее Марине и выбросить из головы весь этот балаган с ребенком и хомяком. Но ручка до сих пор здесь.

Как напоминание.

О ней. О вчерашнем дне. О том, что именно она сейчас нужна мне больше, чем хотелось бы.

— Хорошо, — говорю я. — К одиннадцати собери мне нормальную сводку. Без расплывчатых формулировок, без вранья и без попыток меня успокоить.

— Сделаю.

Илья кивает и выходит.

Я остаюсь один, смотрю на ручку, потом убираю ее в ящик стола.

В девять пятьдесят две у меня есть ровно одно рабочее решение, которое мне не нравится: Соболева должна быть здесь. Сейчас она мне нужна.

В девять пятьдесят семь звонит Марина.

— Да?

Пауза. Какая-то подозрительная пауза.

— Степан Евгеньевич, пришла Надежда Соболева.

Я смотрю в монитор.

— Одна?

Марина молчит ровно столько, чтобы я все понял.

— Нет.

Я закрываю глаза на секунду. Потом встаю.

Выхожу в приемную и понимаю, что день решил добить меня до конца.

Соболева стоит у стойки с папкой в руках. Сегодня она выглядит собраннее, чем вчера. Волосы убраны, пиджак отглажен, лицо спокойное. Рядом уже знакомый мне растрепанный мальчик в футболке с динозавром. На столике возле дивана стоит клетка с хомяком.

То есть вчерашний опыт ничему их не научил. Они просто улучшили упаковку.

Я останавливаюсь напротив Соболевой.

— Вчера я выразился недостаточно ясно?

Марина опускает глаза в монитор. Миша переводит взгляд с меня на мать, потом снова на меня. Хомяк умывается.

— Достаточно ясно, — отвечает Соболева. — Я вас услышала.

— Тогда почему вы снова здесь в этом составе?

Она не отводит взгляда.

— Потому что ситуация не изменилась.

Миша, чувствуя напряжение, почему-то делает шаг ближе ко мне. Я замечаю это боковым зрением и это раздражает отдельно.

— Удивительно удобная формулировка, — сухо замечаю я.

— Другой у меня нет.

Я смотрю на нее еще несколько секунд. Пусть почувствует весь смысл этой паузы.

— Вы решили, что мои слова можно не учитывать, если вам неудобно?

— Нет, — отвечает она. — Я решила, что если не приеду сегодня, мы потеряем день. И вы это понимаете не хуже меня.

Это сказано ровно. Без вызова. Без жалобы. Именно поэтому звучит особенно неприятно.

Потому что да, понимаю.

Миша переводит взгляд с меня на мать и обратно. Потом вдруг тянет ее за рукав.

— Мам, я писать хочу, — сообщает он так громко, что это слышит весь офис.

Марина опускает голову еще ниже к клавиатуре. Соболева закрывает глаза на секунду. Я смотрю в потолок.

Прекрасно. Просто идеально.

— Вон туда, — говорю я, указывая в сторону коридора. — Налево.

Миша смотрит на меня с неожиданным интересом.

— А ты проводишь меня в туалет?

— Твоя мама отлично с этим справится.

Он надувает губы и хватается за руку.

— Пойдем.

Соболева на секунду колеблется. Потом коротко кивает мне.

— Одну минуту.

— У вас две, — говорю я. — Потом мы либо начинаем работать, либо заканчиваем на этом наше милое знакомство.

Она сжимает пальцы на папке.

— Я поняла.

Они уходят по коридору. Клетка с хомяком остается на столике у дивана. Шурик сидит внутри с видом очень занятого существа, твердо уверенного, что все жизненные проблемы решаются запасами за щеками.

Марина осторожно поднимает глаза.

— Степан Евгеньевич...

— Нет.

— Я ничего не сказала.

— Вот и не начинайте.

Она кивает и снова утыкается в монитор.

Я стою посреди приемной и чувствую, как внутри поднимается привычное, холодное раздражение. На них. На себя. На цифры в утреннем отчете. На банк. На иск. На Корсакова, который слишком активно толкает сделку. На то, что именно сегодня мне нужна эта женщина, и придется терпеть детей и грызунов.

Через минуту Соболева возвращается. Миша рядом, уже заметно повеселевший после спасенной катастрофы. Она снова подходит ко мне и останавливается на той дистанции, где еще вежливо, но уже не безопасно.

— Итак, — говорю я. — Давайте еще раз. Медленно и доходчиво. Почему ребенок здесь?

Она отвечает сразу:

— Потому что я веду ваш пакет по слиянию. Потому что другого специалиста у вас сейчас нет. И потому что сегодня няня снова не вышла.

— А детский сад, родственники, друзья, соседи, люди с улицы?

— Вы сейчас серьезно?

— Более чем.

— У меня нет никого, кому я могу отдать Мишу вот так, с утра, по звонку, — говорит она все так же ровно.

Марина тихо втягивает воздух. Миша смотрит на нас с интересом. Хомяк грызет что-то внутри клетки. Видимо, мои нервы.

Я перевожу взгляд на Соболеву.

Хороша. Собралась. Держится. После вчерашнего цирка я ждал, что сегодня она войдет сюда либо слишком виноватой, либо слишком напряженной. А она стоит прямо и говорит по делу. Это, к сожалению, работает в ее пользу.

— Хорошо, — говорю я. — Сегодня работаем.

Миша довольно улыбается.

Я поднимаю палец.

— Я не закончил.

Улыбка у него гаснет, но ненадолго.

— Ребенок остается в приемной. По этажу не ходит. К сотрудникам не пристаёт. В мой кабинет не заходит без разрешения. Клетка не открывается. Вообще.

— Поняла, — говорит Соболева.

— Если повторится хоть что-то похожее на вчерашнее, разговор будет закончен.

Она кивает.

Миша поднимает руку, как на уроке.

— А если Шурику станет скучно?

Я смотрю на него.

— Тогда он мужественно переживет это чувство.

— Даже я не всегда могу его пережить, — честно признается он.

Марина кашляет в кулак. Соболева чуть заметно прикрывает глаза.

— Миша, — говорит она.

— Что? Я же уточняю.

— Уточнения закончились, — отрезаю я. — Марина, бумагу, карандаши, воду.

— Уже приготовила, — отвечает она.

— Не сомневаюсь.

Я смотрю на Соболеву.

— Жду вас в кабинете.

Она кивает.

Я уже поворачиваюсь, когда Миша вдруг говорит матери на всю приемную:

— Мам, а он все равно хороший. Он нам подходит, просто пока еще вредный.

Марина утыкается в монитор с таким усердием, будто от этого зависит ее премия.

Я медленно оборачиваюсь. Мальчик смотрит на меня спокойно. С искренним, почти деловым интересом.

Вот это меня раздражает особенно сильно. Я ухожу в кабинет, пока не сказал лишнего.

Глава 5. Надежда

Сегодня рабочий процесс идет жестче, но продуктивнее. Мы успеваем пройти почти все вопросы по первому блоку документов, и время пролетает незаметно. Степан работает быстро, без воды, задает вопросы ровно там, где нужно, и не спорит просто ради спора. Я даже почти начинаю уважать эту его собранную и холодную, но эффективную манеру.

По условиям я работаю здесь только до обеда. Но к часу мы все еще не закрываем последний раздел — там всплывают детали, которые требуют уточнений. Я уже собираюсь сказать, что остальное закроем завтра, но Макаров смотрит на часы, потом в документы.

— Мы не успеваем, — говорит он. — Значит, обедаем здесь.

Он нажимает кнопку селектора.

— Марина, обед в кабинет. На троих.

Я не успеваю возразить. Марина уже отвечает: «Хорошо», и динамик гаснет.

Через пятнадцать минут принесли обед, а Марина привела Мишу с клеткой в руках. Миша и Шурик, как неразлучники вот уже полгода, с тех пор, когда мы зашли в зоомагазин и Миша увидел этот рыжий комок.

Макаров смотрит на клетку, потом на меня.

— Я вижу, регламент у нас сегодня снова условный, — говорит он сухо.

И возвращается к бумагам.

Миша уже плюхнулся на стул и рассматривает обстановку с любопытством, которое обычно вызывает у взрослых желание спрятать все хрупкое.

— А почему у тебя столько бумаг? — спрашивает он.

— Потому что много работы, — отвечает Макаров сухо, но без раздражения.

— А ты сам все читаешь?

— Да.

— А глаза не устают?

Степан поднимает взгляд.

— Устают.

— А мама говорит, что если глаза устают, надо смотреть в окно на зеленое. У тебя окно большое. А зеленого мало. Не повезло тебе.

Макаров переводит взгляд на окно.

— Зеленого действительно мало, — говорит он. И только потом смотрит на меня.

Я даже не знаю, что делать с этим выражением его лица. Не улыбка, но что-то очень похожее. Какая-то трещина в льду.

— Ваш сын, — говорит он, — очень наблюдательный.

— О, да. Этого у него не отнять.

Миша отодвигает тарелку.

— А можно я посмотрю, что там за окном?

— Можно, — говорит Степан.

Миша спрыгивает со стула и бежит к окну.

Макаров смотрит на меня.

— Он всегда такой энергичный?

— Всегда.

— И вы справляетесь одна?

Вопрос задан нейтрально. Без любопытства, но и без сочувствия. Просто факт.

— Справляюсь.

— А его отец?

— Его отца нет, — говорю я коротко. Так, чтобы не развивать эту тему.

Макаров кивает. Тему не продолжает, что меня удивляет.

— А можно я Шурика выпущу? — кричит Миша от окна.

— Миша, конечно, нет, — говорю я. — Мы с тобой договаривались.

— Жалко, — Миша вздыхает так, будто ему сообщили об отмене дня рождения. — Он бы тут повеселился.

— В этом я не сомневаюсь, — говорит Макаров.

Миша возвращается к столу и садится с очень серьезным лицом.

— Дядя Степа, — говорит он.

Макаров замирает. Я успеваю заметить это.

— Что? — спрашивает он.

— А почему у тебя на столе нет фотографий?

Макаров молчит секунду.

— Мне не нужны фотографии, чтобы помнить, кто важен.

Миша кивает так серьезно, будто действительно понял смысл.

— А у меня есть, — говорит он. — Я маму фотографирую. И Шурика. И себя.

— Себя? — переспрашивает Громов.

— Ну да. Кто-то же должен.

Я пытаюсь скрыть улыбку.

На секунду у него все-таки дергается уголок рта. Он тут же убирает это с лица и снова смотрит в тарелку.

— Давайте закончим наш вопрос, — говорит он холодно. — У меня встреча через час.

Мы обсуждаем документ. Миша больше не задает вопросов, но его внимательные, серые глаза все равно смотрят. На секунду мне кажется, что у него такие-же глаза, как у Макарова.

После обеда я отвожу Мишу в приемную, где Марина уже приготовила бумагу и карандаши, а сама возвращаюсь в кабинет.

— Вы не обязаны были кормить нас обедом.

— Я и не собирался проявлять добрую волю, — говорит он. — Мне нужно было закрыть этот блок сегодня.

Он поворачивается и продолжает.

— Мне нужна эта сделка. Вы полезны. Если для этого нужно потерпеть обед с ребенком и хомяком, я потерплю.

— Звучит как сделка.

— Это и есть сделка, Соболева. Не путайте.

Я смотрю на него и вижу все ту же маску. Но теперь знаю, что под ней есть маленькая, едва заметная щель.

После обеда я забираю Мишу и Шурика и еду в «Легал-Альянс». Мое основное место работы — отдел корпоративного права, девятый этаж, кабинет с окном во двор и вечный запах кофе.

Мишу я отвожу Дине. Она работает в бухгалтерии, разносит первичную документацию и терпеть не может свою работу, но любит Мишу.

— Привет, боец, — говорит она, забирая у него клетку. — Будешь сидеть тихо?

— А шоколадка будет? — спрашивает Миша.

— Если будешь сидеть тихо.

— Договорились.

Я выхожу из бухгалтерии и поднимаюсь этажом выше. Захожу в кабинет.

Корсаков сидит за столом, перед ним три монитора, ни одного лишнего предмета. Только стакан воды.

— Соболева, — он не поднимает головы. — Садись.

Я сажусь.

— Как Макаров?

— Нормально. Работаем.

— Доверяет?

— Пока нет. Но слушает и пока задает много уточняющих вопросов.

— Это плохо. — Он наконец поднимает взгляд. — Ты помнишь, что мы обсуждали?

— Прекрасно помню.

— Тогда напомним.

Я делаю паузу.

— Я должна внимательно смотреть и слушать, не вызывая подозрений.

— И?

— И готовить документы так, чтобы они не вызвали вопросов.

— Чтобы они выглядели чистыми, — поправляет он. — Чтобы человек их подписал, не глядя. Это называется доверие, Соболева. Без него все остальное не работает.

Он откидывается на спинку кресла.

— Макаров не дурак. Он чувствует, когда ему пытаются продать кота в мешке. Поэтому ты должна быть не просто юристом. Ты должна быть своим человеком.

— Я сделаю, что смогу.

— Сделай больше, чем сможешь. — Его голос становится тише, плотнее. — Потому что, если он поймет раньше времени, вся конструкция рухнет. А за ней и ты.

Я молчу.

— Ты думаешь, я тебя запугиваю, — продолжает он. — Нет. Я тебе объясняю, как устроен мир. Все хотят жить спокойно, но спокойно живут только те, кто вовремя сделал правильный выбор.

— Вы хотите, чтобы я подставила его?

— Я хочу, чтобы ты усыпила его бдительность. Вошла в доверие. Подготовила документы так, чтобы у него не осталось вариантов. Все остальное — моя забота.

— Это называется подстава.

— Это называется бизнес.

В кабинете становится тихо. Я слышу, как где-то за стеной гудит принтер.

— А если я откажусь?

— Ты не откажешься, — он смотрит на меня с легкой усмешкой. — Тебе нужны деньги. Тебе нужна стабильность. Ты тянешь ребенка одна и не можешь позволить себе рисковать.

Он прав. И это самое паршивое.

— Ты просто делаешь свою работу. Готовишь бумаги. А подпишет он сам. Если перестанет ждать удара.

Он возвращается к монитору.

— Можешь идти.

Я выхожу от него с холодными пальцами и тяжелой головой.

Вечером я сижу на кухне за столом и смотрю в одну точку. Дверь в детскую приоткрыта. Миша спит с плюшевым динозавром в обнимку. Шурик доедает яблоко и косится на меня круглыми глазами.

— Это просто работа, — говорю я вслух.

И сама себе не верю.

Глава 6. Степан

На третий день я уже привыкаю к тому, что в моем офисе теперь всегда есть ребенок, хомяк и женщина, которая работает на Корсакова. Не то чтобы я смирился. Просто рабочий день идет своим чередом — отчеты, звонки, правки, снова отчеты, — и у меня нет времени каждый раз заново беситься.

Соболева сидит напротив меня с папкой в руках, быстро листает документы и отвечает без лишних слов. Нам обоим проще, когда между нами лежат бумаги, а не бегают хомяк.

Из приемной иногда доносится голос Миши. Что-то напевает, разговаривает с хомяком или донимает Марину своими бесконечными вопросами. Потом тихий голос Марины. Потом опять тишина. Клетка с Шуриком стоит на столике у дивана как напоминание, что жизнь в последнее время издевается надо мной с выдумкой.

— Нет, — говорю я, глядя в очередной лист. — Здесь формулировка слабая. Если это уйдет в таком виде, нам потом вернут все обратно.

— Не вернут, если вынести это в приложение, — спокойно отвечает Соболева.

— Вернут.

— Не вернут. Я уверена.

Я поднимаю глаза.

Она смотрит прямо и говорит все тем же ровным тоном, который уже начинает меня раздражать.

— Вы сейчас спорите со мной из принципа? — спрашиваю я.

— Я вообще с вами не спорю.

Я смотрю на нее еще секунду.

— Продолжайте.

Она кивает и делает пометку в документах.

Работает Соболева быстро. И, что особенно неприятно, действительно хорошо. Видит слабые места, не путается, не суетится. Уже третий день подряд я ловлю себя на одном и том же выводе: если бы не ее обстоятельства, с ней вообще было бы удобно работать.

В этот момент звонит внутренний.

— Да, — говорю я.

— Степан Евгеньевич, к вам Елена Андреевна, — сообщает Марина.

Я на секунду прикрываю глаза. Только этого мне сейчас и не хватало.

— Пусть зайдет.

Соболева поднимает голову.

— Я могу выйти.

— Не можете, — говорю я. — Мы не закончили.

Она коротко кивает. Правильно. Никаких лишних движений.

Через несколько секунд дверь открывается, и в кабинет входит Елена. Идеальная укладка, светлый дорогой костюм, спокойное лицо, тонкая папка в руках. Все на месте. Все выверено. Все соответствует картинке, к которой я привык.

Она проходит в кабинет без лишних слов, как будто имеет на это не только право, но и привычку. В общем, так оно и есть. Елена — дочь моего основного инвестора, и она давно считает себя моей потенциальной женой.

— Добрый день, — говорит она и почти сразу замечает Соболеву.

Елена делает короткую паузу, а потом улыбается.

— Как интересно у тебя теперь выстроен рабочий процесс, — говорит она мне, глазами указывая на приемную.

— Говори по существу, — отвечаю я.

Ее улыбка не исчезает, просто становится чуть тоньше.

— Отец просил передать обновленные комментарии по инвестиционному блоку. И еще его сильно интересует, насколько быстро ты собираешься закрывать юридическую часть.

Она кладет папку на стол. Я открываю ее и быстро просматриваю первую страницу.

По делу, как обычно. Именно поэтому Елена вообще сейчас здесь. Не как украшение, а как часть системы, в которой все всегда шло предсказуемо, дорого и по правилам.

— Спасибо, — говорю я. — Я посмотрю.

— Надеюсь, согласишься внимательно. Отец не любит сюрпризов.

— Я тоже.

Елена переводит взгляд на Соболеву.

— Надежда, верно?

— Да, — отвечает та.

— У вас, я смотрю, все очень по-домашнему.

Сказано мягко, даже почти вежливо, но с уколom.

Соболева сохраняет равнодушное выражение лица.

— Форс-мажоры не всегда спрашивают, удобно ли им случиться.

Елена улыбается чуть шире.

— Это правда.

Из приемной доносится Мишин голос:

— Марина, а синий можешь поточить?

Потом стук карандаша. Потом Марина что-то отвечает очень тихо.

Елена все слышит. И меня раздражает уже сам факт, что она видит эту картину целиком: кабинет, документы, Соболеву за столом, ребенка и клетку с хомяком в приемной.

Мой мир обычно выглядит иначе. Гораздо правильнее.

Елена скользит взглядом по бумагам у Соболевой.

— Значит, вы ведете юридическую сторону сделки?

— Да, — отвечает Надя.

— Надеюсь, справитесь.

— Не сомневайтесь, — спокойно отвечает Соболева.

Елена смотрит на нее уже иначе. Как на проблему. Взгляд становится холодным и чужим.

И именно в этот момент в кабинет без стука заглядывает Миша. Он просовывает голову в дверь так естественно, будто это не кабинет генерального директора, а кухня у нас дома.

— Мам, а Марина сказала....

Он замечает Елену, смотрит на нее, потом на меня, потом на мать и совершенно спокойно говорит::

— Вообще-то он наш.

В кабинете становится тихо. Соболева на секунду закрывает глаза. Елена замирает на долю секунды.

Марина, видимо, тоже, потому что и в приемной тут же наступает образцовая тишина.

Я смотрю на Мишу. Он, как обычно, не понимает, что сказал что-то не то. Для него это просто факт, который нужно было вовремя уточнить.

— Неожиданно, — говорит Елена.

Голос у нее все такой же ровный, но улыбка стала холоднее.

Соболева быстро встает.

— Миша, в приемную. Сейчас же.

— А что? — искренне спрашивает он. — Я же правду сказал.

— В приемную, — повторяет она.

Он пожимает плечами, как человек, которого взрослые опять не поняли, и исчезает за дверью.

Я все еще молчу.

Вот здесь должен был прозвучать мой голос. Жестко. Сразу. Достаточно одной фразы, чтобы все вернулось на место.

Но фраза не звучит. Елена замечает и это. А меня это бесит особенно сильно.

— Что ж, — говорит она, поправляя рукав жакета. — Не буду мешать вашему рабочему процессу.

Я закрываю папку с ее документами.

— Если это все, передай отцу, что комментарии я просмотрю сегодня.

— Передам.

Она делает шаг к двери, потом оборачивается.

— И, Степан... надеюсь, ты все же помнишь, что у этой сделки слишком высокая цена для импровизации.

— Я всегда это помню.

— Рада слышать.

Она уходит.

Дверь закрывается мягко, почти бесшумно. В кабинете остается неприятное ощущение сбившейся картинки.

Елена пришла по делу. Передала документы. Ушла. Ничего личного. Ничего лишнего. Никаких детей, заявляющих в моем кабинете, что я «их». Никаких пауз, после которых нужно самому себе объяснять, почему ты промолчал там, где всегда говорил сразу.

Почему я промолчал? Почему не обрубил сразу? И почему меня так задело, что это увидела именно Елена?

Не потому, что мне нужно ее мнение. Мне не нужно. Но кабинет, приемная, люди, роли — все это вдруг выглядит не так, как должно. Не так, как я привык.

И проблема уже не в ребенке. Не в клетке с хомяком. Даже не в самой Соболевой. Проблема в том, что рядом с ними привычный порядок все время сбивается.

И меня начинает раздражать уже не их присутствие, а то, что я под него подстраиваюсь.

Когда Соболева возвращается в кабинет, я уже сижу за столом и смотрю в документы.

— Садитесь, — говорю я.

Она молча садится. Мы оба делаем вид, что ничего не произошло.

Глава 7. Надежда

К обеду я уже начинаю различать оттенки макаровского раздражения.

Есть раздражение на людей, которые приходят неподготовленными. Есть — на документы, в которых кто-то попытался спрятать мусор под красивую формулировку. Есть — на звонки, где ему предлагают “временно упростить” то, что потом «взорвется» у него в руках. И есть отдельное, очень сухое раздражение на все, что связано с ребенком, хомяком и любыми живыми существами, которые не входят в утвержденный график его рабочего дня.

Сейчас у него именно последнее.

Я вижу это по тому, как он сдвигает пальцем лист. По тому, как чуть жестче обычного произносит:

— Еще раз.

Я возвращаю взгляд в документы.

— Если мы оставим эту формулировку, потом сами же будем ее расшивать. Я бы сразу вынесла риск отдельным приложением.

— Вы бы, — говорит он.

— Да. Я бы.

Он откидывается на спинку кресла и смотрит на меня в упор. Серые глаза, как всегда, холодные, внимательные, без лишних эмоций. Под этим взглядом хочется или начать оправдываться, или сказать что-нибудь колкое. Я за последние дни научилась не делать ни того, ни другого.

Из приемной доносится голос Миши. Потом смех Марины. Потом тишина.

Я машинально прислушиваюсь, и Макаров это замечает.

— Соболева, — говорит он, — если вы сейчас мысленно одновременно здесь и в приемной, мы до вечера не закончим.

— Я здесь.

— Тогда смотрите сюда.

Он подвигает ко мне документ. Я наклоняюсь ближе и слишком ясно замечаю его усталость. Она уже слышна в голосе и видна в слишком точных, слишком жестких движениях.

Я успеваю открыть рот, когда дверь кабинета приоткрывается, и в нее просовывается Мишина голова.

— Можно?

Макаров медленно переводит взгляд на дверь.

— Нет, — говорит он.

Но Миша заходит все равно.

В руках у него динозавр. Небольшой, зеленый, с глупой храброй мордой, зацелованный и затертый так, как бывают затерты только самые главные детские вещи. Я даже не заметила, как он взял его с собой.

У меня внутри все падает.

— Миша, — говорю я тихо, — мы же договаривались.

— Я быстро, — отвечает он и идет прямо к столу.

Макаров смотрит на него так, будто у него сейчас на глазах по кабинету пошла трещина в несущей стене.

— Что случилось? — спрашивает он сухо.

— Ничего. Это проверка.

— Какая еще проверка?

Миша подходит вплотную к столу и очень серьезно кладет динозавра перед ним. Осторожно и почти торжественно.

— Вот. Пусть побудет у тебя.

Я закрываю глаза.

— Миша...

— Что? — Он даже не смотрит на меня и продолжает. — Если ты его не потеряешь, значит, тебе можно доверять.

В кабинете становится тихо.

Я чувствую, как у меня начинают гореть уши. Под столом сжимаю пальцы в кулак так, что ногти впиваются в ладонь. Мне хочется провалиться сквозь пол, схватить сына в охапку, извиниться, исчезнуть, уволиться и переехать в другой город. Желательно немедленно и без права переписки.

Макаров смотрит на динозавра. Потом на Мишу. Потом на меня.

— Я похож на человека, которому сейчас нужен динозавр? — спрашивает он.

— Вообще-то да, — честно отвечает Миша. — Нам с тобой надо как-то договориться. А без доверия никак.

У меня дергается угол рта. Смешно. Ужасно смешно. И ужасно не вовремя.

Макаров медленно выдыхает через нос. Очень медленно.

— Заберите игрушку, — говорит он мне, не отрывая взгляда от Миши.

Но Миша уже качает головой.

— Нет. Это тебе. На хранение.

— Почему мне? — спрашивает Степан.

— Потому что ты серьезный. И тебе можно доверять.

Я перестаю дышать на секунду.

Макаров тоже замирает. Совсем чуть-чуть. Если бы я не сидела напротив и не следила за каждым его взглядом, я бы, может, и не заметила.

— С чего ты взял? — спрашивает он.

— Я вижу.

Опять это его спокойное детское “я вижу”, от которого невозможно отмахнуться.

Степан смотрит на динозавра так, будто тот сейчас подписал на его имя налоговую проверку. Потом все-таки берет игрушку двумя пальцами. Очень аккуратно. Без насмешки. Без раздраженного броска на край стола. Просто берет и кладет рядом с папкой.

— Доволен? — спрашивает он.

Миша светлеет лицом.

— Да.

— Тогда выйдите из моего кабинета и больше не устраивайте в нем проверок на доверие.

— Хорошо, — легко соглашается Миша. — Только ты его не потеряй. Я и так знаю, что не потеряешь, но все равно.

— Иди, — говорит Степан.

Миша кивает так, будто получил официальное подтверждение серьезного соглашения, и бежит обратно в приемную.

Дверь закрывается.

Я сижу, не поднимая глаз.

— Простите, — говорю наконец.

— За что именно? — спрашивает он.

— За все.

— Очень широкий диапазон.

Я все-таки смотрю на него. На столе, рядом с договором и ручкой, лежит зеленый динозавр. Макаров замечает мой взгляд.

— Если вы сейчас скажете “он ребенок”, я это и без вас знаю.

— Не скажу.

— Хорошо.

Он возвращает взгляд в документы.

— Продолжим.

И мы продолжаем.

Только теперь я уже не могу перестать думать о двух вещах сразу: о том, что мой сын доверяет ему так, будто знает его давным-давно, и о том, что сам Степан не отбросил это доверие в сторону. Не посмеялся.

Принял.

И именно это теперь не дает мне спокойно смотреть в документы.

Через полчаса у Степана звонит телефон. Он смотрит на экран, и лицо у него становится жестче.

— Да.

Голос у него ровный, но я уже умею слышать под этим ровным тоном напряжение. Он встает из-за стола и отходит к окну. Не потому, что хочет спрятать разговор. Просто так ему удобнее держать себя в руках.

— Нет, — говорит он. — Я сказал нет.

Пауза.

Я не смотрю на него открыто. Делаю вид, что читаю пометки в договоре. Хотя слышу каждое слово.

— Меня не интересует “все так делают”. Если в пакете есть риск, мы его показываем.

Еще пауза.

Его плечи становятся жестче.

— Нет. Срок я тоже не двину таким способом. Либо мы делаем это нормально, либо не делаем вообще.

Я медленно поднимаю голову.

Он стоит у окна, одной рукой держит телефон, второй упирается в подоконник. Свет из окна режет по скулам. В лице нет ни сантиметра мягкости.

— Слушайте внимательно, — говорит он уже тише. От этого голос звучит еще жестче.

— Я не люблю, когда мне врут в глаза. Но еще больше я презираю людей, которые улыбаются в лицо, а за спиной подсовывают дрянь и называют это бизнесом. Если кто-то хочет играть в такие игры — без меня.

Он замолкает, слушает, потом добавляет:

— И в моем окружении таких людей тоже не будет. Это понятно?

Я перестаю листать бумаги. Мне вдруг становится очень не по себе. Потому что именно это я и должна сделать.

Не врать ему в лицо, нет. Еще хуже. Войти в доверие, стать для него удобной и безопасной, а потом подвести к документам, которые он подпишет себе в ущерб.

Макаров завершает разговор резко, без вежливой концовки. Просто убирает телефон в карман и какое-то время молча смотрит в окно.

Потом оборачивается.

— На чем мы остановились?

Я смотрю на него секунду дольше, чем нужно.

— На приложении к основному пакету.

— Тогда вернемся к нему.

Он подходит к столу, берет ручку, потом замечает рядом динозавра. На долю секунды в лице мелькает что-то вроде раздраженного смирения. Он отодвигает игрушку чуть левее, чтобы не мешала, и садится.

— Итак, — говорит он. — Еще раз. Коротко.

Я делаю вдох.

— Если вы хотите закрыть блок без последующей зачистки, вам нужно три вещи. Нормальный реестр. Чистое приложение по рискам. И убрать из формулировок ту красивую чушь, которую ваши люди пытаются выдать за юридическую аккуратность.

Он смотрит на меня внимательно.

— Красивую чушь?

— Да.

— Смело.

— Зато честно.

На этот раз уголок его рта все-таки дергается. Почти незаметно.

— Продолжайте, — говорит он.

И я продолжаю.

Но уже не так, как час назад.

Потому что теперь между нами на столе лежит не только папка с документами и дурацкий зеленый динозавр. Между нами лежит еще и то, что я только что услышала.

Он жесткий. Тяжелый. Неудобный. Может придавить одним голосом. Может смотреть так, что хочется срочно стать лучше, тише и профессиональнее. Но он не про грязную игру.

И от этого у меня в груди становится совсем нехорошо.

Я пытаюсь стряхнуть это ощущение весь оставшийся день, но оно цепляется намертво. Домой я привожу его с собой.

Миша разбрасывает носки по комнате так, будто это его личный способ отмечать окончание рабочего дня. Шурик шуршит в клетке. На кухне пахнет гречкой, яблоком и чем-то очень домашним, от чего особенно остро чувствуется весь день, который я только что прожила.

— Мам, а он динозавра не потерял? — спрашивает Миша из комнаты.

— Не потерял.

— Я же говорил.

— Что именно ты говорил?

— Что ему можно доверять.

Я молчу.

— Мам?

— Что?

— Ты чего такая грустная?

Я ставлю кружку на стол.

— Устала.

— А он?

Вот это простое “он” почему-то задевает сильнее, чем должно.

— Кто?

— Ну он. Дядя Сте... Степан.

Я опускаю глаза в кружку.

— Наверное, тоже.

Миша удовлетворенно кивает и убегает обратно к себе. Для него этого ответа достаточно. Для меня — нет.

Я остаюсь на кухне одна. Сажу за столом, смотрю в темное окно и слишком ясно слышу его голос у окна.

Я презираю людей, которые улыбаются в лицо, а за спиной подсовывают дрянь... И в моем окружении таких людей не будет.

Я должна войти к нему в доверие. Именно этого от меня хочет Корсаков. Я должна стать удобной. Полезной. Безопасной. Такой, чтобы он перестал ждать удара. И с каждой новой встречей мне все труднее называть это работой.

Я провожу ладонью по лбу и закрываю глаза. Мне нельзя втягиваться. Нельзя жалеть. Нельзя начинать видеть в нем больше, чем нужно. Только проблема уже не в этом.

Я должна войти к нему в доверие по заданию Корсакова, а вместо этого все больше боюсь это доверие потерять.

Глава 8. Степан

Сегодня важное совещание по слиянию. Все готово: документы разложены, проектор проверен, время согласовано до секунды. Инвесторы на связи, банк на экране, представители кризисного блока уже ждут в комнате ожидания. Я проверил список трижды. Илья клялся, что ничего не забыл. Марина отвечает за приемную, Соболева сидит справа с папкой, Миша настрого предупрежден сидеть тихо, клетка с Шуриком стоит в углу на столике. Все выверено до секунды. Идеальный порядок.

Совещание идет как по минному полю, но пока без взрывов.

Банк на экране вежливо душит нас формулировками. Финансовый директор потеет над цифрами, хотя в переговорной кондиционер работает на полную. Илья сидит с планшетом и делает сосредоточенный вид. Соболева справа от меня листает бумаги и держится так собранно, будто у нее внутри не нервы, а проволока, и я почти начинаю верить, что сегодня все пройдет без сюрпризов.

— Нет, — говорю я. — Так не пойдет. Если вы сейчас спрячете этот риск в общую формулировку, через две недели он вылезет уже деньгами.

И в этот момент у правого ботинка что-то касается щиколотки. Мягко, почти ласково, как домашний кот, который решил напомнить о себе. Я не сбиваюсь и даже не опускаю взгляд — мало ли что: провод, край брючины, галлюцинация от недосыпа и обилия идиотов вокруг. Но через секунду это «мало ли» начинает целеустремленно ползти вверх по штанине. Нет, не галлюцинация.

Ну все. Приехали.

— Меня не интересуют красивые слова, — продолжаю я, голос сухой и ровный. — Меня интересует, сколько это будет стоить, когда все рухнет.

Потом оно с оскорбительным спокойствием добирается до колена. Шурик. Разумеется. Кто же еще устроит рыжее восстание в самый неподходящий момент. Я сижу неподвижно, лицо ледяное, голос не сбивается, а по штанине уже деловито ползет хомяк, перекраивая карту моих нервов.

Пока это чувствую только я.

Соболева поднимает на меня глаза, собираясь что-то сказать по документу, и в этот момент, видимо, замечает, как по моей штанине что-то очень целеустремленно движется вверх. Она бледнеет так быстро, что я почти уважаю ее выдержку: ни звука, ни паники — только ручка застывает в пальцах, а взгляд застревает на моей ноге, как будто она пытается решить, смотреть туда дальше или срочно сделать вид, что ничего не происходит.

Шурик уже у бедра.

— Если без оптимизма, то к концу месяца... — голос Ильи доносится откуда-то с периферии, и одновременно я чувствую, как рыжий карьерист пробирается выше, не встречает сопротивления и ныряет под край пиджака.

Вот это уже совсем прекрасно.

Под ребрами у меня что-то шевелится — маленькое, теплое и наглое, и теперь моя единственная задача — не дать ему нарушить картинку идеального спокойствия. Медленно поднимаю руку к галстуку. Со стороны должно выглядеть как поправка узла, профессиональный жест человека, который на секунду отвлекся от цифр. На самом деле я прижимаю лацкан к груди и блокирую хомяку выход через ворот. Потому что, если сейчас из моего пиджака на глазах у банка и инвесторов покажется рыжая морда, я, возможно, просто закрою компанию и уйду в лес отшельником.

— Продолжайте, — говорю я, и в голосе появляется лишняя сухость, которую подчиненные обычно боятся больше, чем крика.

Финансовый директор кивает и продолжает про кассовый разрыв. Банкир на экране смотрит слишком внимательно, и я почти вижу, как у него в голове проносится мысль: или у Макарова жесткие переговоры, или у Макарова серьезные проблемы. Пусть думает про жесткость. Под воротом снова шевелится, я чуть сильнее сжимаю галстук, и Соболева, белая как лист, смотрит в документы, хотя я прекрасно вижу: она уже не читает ни слова. Она просто ждет, когда я сломаюсь.

Не дождется.

В этот момент из-за лацкана у меня на груди высовывается рыжая морда и, конечно, ее видят все. Банкир на экране моргает, финансовый директор резко смотрит в бумаги, будто там внезапно появился ответ на главный вопрос жизни, а Илья роняет стилус — не громко, но в этой тишине хватает. Соболева тихо зажимывается, и я чувствую, как ее плечо на миллиметр прижимается к моему — машинально, неосознанно, будто она ищет точку опоры.

Я не двигаюсь. Сажу так, будто рыжая морда у меня из пиджака — это нормальный, предусмотренный регламентом элемент делового совещания.

Шурик озирается, шевелит усами, видимо, оценивает перспективу публичного выхода и — о чудо! — понимает, что карьера на экране ему пока не светит. Прячется обратно. В переговорной наступает такая тишина, что слышно, как у банкира на той стороне что-то пикнуло в garniture.

Я перевожу взгляд на экран.

— Продолжим?

— Да, — банкир кашляет. — Разумеется.

Вот и прекрасно.

Под пиджаком еще пару минут происходит хаотичное шевеление, потом все затихает. Судя по ощущениям, Шурик устраивается где-то под внутренним карманом, прямо у подкладки, и решает, что на сегодня с него хватит публичности. Я медленно выдыхаю через нос и продолжаю так, будто ничего не произошло.

Совещание я все-таки довожу до конца, потому что если я сейчас сорвусь раньше времени, эти люди запомнят не цифры, не сроки и не мои слова, а рыжую морду у меня из-под лацкана. Этого я не допущу.

Поэтому я сажу прямо, говорю ровно, закрываю встречу холодным, спокойным голосом.

Банк отключается первым, потом расходятся инвесторы. Финансовый директор собирает бумаги с лицом человека, который сегодня увидел что-то лишнее. Илья пытается делать вид, что ничего не произошло, плохо получается, но он старается. Через минуту в переговорной остаемся только мы с Соболевой.

Она стоит напротив стола, белая, собранная, плечи прямые, лицо держит, только глаза уже не те. Она понимает, что это еще не конец.

Я молча расстегиваю пиджак, запускаю руку внутрь и достаю Шурика. Теплый, наглый, совершенно довольный собой. Кладу его на стол, между нами, и только потом поднимаю взгляд на Надю.

Она открывает рот.

— Я...

— Сейчас лучше просто помолчите, — говорю я тихо.

Она сразу замолкает. Правильно.

Я беру папку со стола и выхожу из переговорной. Шаги ровные, голова холодная. Все уже произошло, теперь осталось только расставить точки.

Марина вскакивает, едва я подхожу к стойке.

— Степан Евгеньевич, я...

— Последний вариант приложения, — говорю я. — Я положил его сюда перед совещанием.

Она моргает, смотрит на стол, потом на лоток, потом снова на стол.

— Он был здесь, — говорит она быстро. — Я только что...

Уже ищет обеими руками — перебирает бумаги, заглядывает под папку, под блокнот, под подставку с ручками. Документа нет.

Я жду.

Соболева выходит из переговорной с хомяком в руках, быстро подходит к столу, берет клетку и, не глядя на меня, закрывает Шурика внутри. Движения точные, быстрые, видно, что пальцы дрожат, но она все равно справляется.

Я машинально слежу за ее руками, потом взгляд опускается на столик у дивана, и вижу этот документ под Мишиной ладонью. Миша сидит сосредоточенный, как маленький чиновник на проверке, и что-то дорисовывает на документе зеленым карандашом.

Я подхожу.

Миша поднимает голову. Марина перестает дышать. Надя замирает с клеткой в руках. А я смотрю на этот лист и понимаю, что вот теперь — все. Не хомяк в пиджаке, не рыжая морда у воротника, не то, что полсовещания сидело с каменными лицами. А вот это: документ в моей приемной, в руках ребенка.

Я медленно беру лист двумя пальцами и поднимаю глаза на Надю. Она бледнеет еще сильнее, хотя, казалось бы, уже некуда.

— Это моя вина, — говорит она быстро. — Я должна была...

— На этом наше сотрудничество закончено, — отрезаю я.

Она осекается. Миша переводит взгляд с меня на мать, но не говорит ни слова.

— Всего хорошего, — продолжаю я тем же голосом. — В ваших услугах я больше не нуждаюсь.

У Нади дергается щека.

— Степан Евгеньевич, я...

— Нет.

Она замолкает. Теперь ее лицо становится каменным.

Марина стоит за стойкой как человек, который очень хотел бы прямо сейчас провалиться под землю. Я не смотрю ни на нее, ни на Мишу, только на Соболеву.

— Марина, — говорю я, — проследите, чтобы через пять минут посторонних в приемной не было.

— Да, Степан Евгеньевич, — шепчет она.

Я разворачиваюсь и ухожу в кабинет, но дверь не закрываю.

Надя берет Мишу за руку, и он даже не сопротивляется, наверное, чувствует, что сейчас не время для вопросов. Марина провожает их взглядом, но молчит, и это правильно, потому что любое слово сейчас было бы лишним.

Я уже поворачиваюсь к ноутбуку, когда слышу шаги. Быстрые, легкие, детские.

Миша бежит обратно. Подлетает к моему столу, останавливается в полуметре и смотрит прямо в глаза — без страха, без капризов, просто смотрит, как будто я должен понять что-то важное, а он ждет, когда это наконец случится.

— Верни динозавра, — говорит он твердо. — Ты не прошел проверку.

Я молчу. В его голосе нет злости, только справедливость. Та самая детская, абсолютная справедливость, которая не знает компромиссов и не умеет прощать просто так.

— Отдай, — повторяет он. — Он мой.

И я молча отдаю. Просто протягиваю зеленого динозавра, который так и лежал на краю стола все это время, и Миша забирает его бережно, словно раненого. Прижимает к груди, разворачивается и идет к выходу. Но в дверях оглядывается, смотрит на меня пристально, вздыхает и уходит.

Надя ждет его в приемной. Она бледная, губы сжаты, но она ничего не говорит, только кладет руку ему на плечо, и они выходят вместе.

Я остаюсь один. Смотрю на пустое место на столе, где только что лежала игрушка, и чувствую, как воцаряется тишина, которую я всегда ценил. Идеальный порядок. Никаких детей, никаких хомяков.

Только теперь эта тишина кажется мне не победой, а пустотой.

Глава 9. Надежда

Я выхожу из лифта, и все, что во мне держалось, внутри рассыпается в труху. Снаружи я еще должна дойти до выхода. Клетка с Шуриком в левой руке, папка под локтем, ладошка ребенка в правой. Сумка съезжает с плеча, но мне уже все равно, как это выглядит.

Миша идет рядом, крепко сжимая мою ладонь. Обычно он бежит вперед или отстает, разглядывая что-то в холле. Сейчас он просто идет и не говорит ни слова.

Охранник на ресепшене провожает нас взглядом. На улице сухо и серо, ветра нет, но я все равно чувствую озноб. Вызываю такси и замираю. Просто стою у края тротуара, и бесцельно разглядываю проезжающие машины.

— Я все испортил? — спрашивает Миша тихо.

Я вздрагиваю. Смотрю на него сверху вниз. Серьезный, собранный, слишком маленький для такого вопроса.

— Нет, — говорю я. — Ты ничего не испортил. Это я не уследила. Ошиблась. Взрослые иногда ошибаются.

Он смотрит на меня долго, потом кивает.

— А дядя Степа тоже ошибся?

— Может быть.

— Тогда вы оба виноваты, — заявляет он. — И вы оба должны помириться.

— Это не так просто, — говорю я.

— А ты попробуй.

Я не знаю, что ответить.

В этот момент подъезжает такси, я открываю дверь, помогаю сыну забраться.

До дома доезжаем молча. Водитель что-то говорит про погоду, я киваю, не слушая. Только когда захлопывается дверь квартиры, я выдыхаю. Иду на кухню, оставляя Мишу разуваться. Не хочу стоять в прихожей, не хочу смотреть на себя в зеркало. Шурика в клетке ставлю на место и несколько секунд просто смотрю, как он крутит колесо. У него сегодня был хороший день.

Миша возится в прихожей дольше обычного. Я слышу, как он сопит, потом швыряет кроссовки — не специально, просто потому что устал. Одна падает с глухим стуком, вторая улетает под вешалку.

— Мам, я есть хочу, — кричит Миша из прихожей.

Голос у него немного уставший, но спокойный. И меня немного отпускает.

— Сейчас, — говорю я.

Ставлю перед ним тарелку с супом. Он ест молча, не капризничает, не ковыряется ложкой, не просит хлеб, не рассказывает ничего про Шурика. И от этой непривычной аккуратности у меня внутри все сжимается еще сильнее.

Я сижу напротив, смотрю в свою пустую тарелку и чувствую, как к горлу подкатывает ком.

— А ты чего не ешь? — спрашивает он.

— Не хочется.

— А надо, — говорит он важно. — Ты же сама говорила, что суп надо есть, чтобы живот не болел.

— Обязательно поем попозже. — Я пытаюсь улыбнуться.

Он кивает, доедает, отодвигает тарелку и смотрит на меня.

— Мам, а дядя Степа тоже ест суп?

— Не знаю. Наверное, ест.

— А ему Марина греет?

— Наверное, сам, — отвечаю я.

— Тогда он молодец, — выносит вердикт Миша. — Я тоже сам умею. Только из кастрюли не достаю, потому что высоко.

Он сползает со стула, относит тарелку в раковину. Потом идет в комнату.

Я остаюсь на кухне, смотрю на пустую тарелку и перевожу дыхание.

Через минуту из комнаты доносится голос:

— Мам, иди сюда.

Я заглядываю. Миша сидит на ковре, перед ним разложены игрушки, но он их не трогает. Он держит динозавра.

— Он уже не обижается.

— Кто?

— Динозавр. Он подумал и решил не обижаться.

— На кого?

— На дядю Степу, — он поднимает на меня глаза.

— Мам, а дядя Степа сильно рассердился?

— Сильно.

— Прямо на всю силу?

— Почти.

— Это плохо. Когда на всю силу, потом голова болит.

Я улыбаюсь впервые за сегодня. Миша замечает и улыбается в ответ.

— Все, — говорит он. — Я пошел зубы чистить. А динозавр пусть спит.

Миша уходит в ванную, и я слышу, как он поет что-то под нос, шуршит щеткой, стучит стаканчиком. Я сижу на краю кровати и думаю, что сил у меня осталось ровно на то, чтобы дойти до кухни и не развалиться раньше времени.

— Мам! — доносится из ванной. — А потом читаем?

— Читаем, — отвечаю я.

Через пять минут он выходит умытый, в пижаме, с мокрой челкой и очень серьезным лицом. Идет к полке, долго там возится, потом приносит книжку.

Я смотрю на обложку и на секунду закрываю глаза.

— Только не говори, что именно ее, — бормочу я.

— Ее, — кивает Миша и забирается под одеяло. — Про дядю Степу.

Я сажусь рядом.

— Почему именно про него?

Миша укладывает рядом динозавра и пожимает плечами.

— Ну а про кого еще.

— Логично, — говорю я.

Он смотрит на меня внимательно.

— Ты опять грустная.

— Я просто устала.

— Это я уже слышал, — говорит он таким тоном, будто я злоупотребляю этой версией. — Почитай.

Я открываю книжку. Читаю вслух несколько строк, и чем дальше, тем сильнее мне хочется одновременно смеяться и спрятать эту книжку куда-нибудь под диван.

Миша слушает очень внимательно. Потом поднимает голову.

— Вот видишь.

— Что именно?

— Дядя Степа тоже большой. И всех спасает.

— Не всех, — вздыхаю я. — И не всегда.

— А книжный — всех.

— Книжному проще.

— Почему?

Я переворачиваю страницу.

— Потому что он книжный.

Миша думает над этим так серьезно, будто мы сейчас обсуждаем устройство мира.

— Все равно, — говорит он наконец. — Наш тоже ничего.

Я смотрю на него.

— Наш?

— Ну... почти наш, — уточняет он великодушно. — Просто он сегодня очень разозлился.

— Очень.

— Но он же не кричал.

— Это тебя утешает?

— Немножко, — честно отвечает Миша. — Когда взрослые кричат, хуже.

Я молчу. Он тоже молчит пару секунд, потом спрашивает:

— Мам, а если человек сердится, это еще не значит, что он плохой?

Я смотрю на открытую книжку, но строчки уже давно плывут мимо.

— Не значит, — говорю я.

— Вот. Я так и думал.

Он укладывается поудобнее, подсовывает динозавра себе под бок и уже сонно бормочет:

— Ты только ему сразу все не прощай.

— Даже не собиралась.

— И динозавр тоже.

— Очень хорошо.

— Но потом можно еще посмотреть, — добавляет он, зевая. — Вдруг он все-таки исправится.

Я улыбаюсь. На этот раз по-настоящему.

— Ты страшно мудрый человек, ты знаешь?

— Я знаю, — сонно отвечает Миша. — Просто маленький пока.

Через минуту он уже почти спит.

Я закрываю книжку, поправляю ему одеяло и вдруг понимаю: дело уже не в дяде Степе. Меня добивает то, с какой спокойной уверенностью Миша все еще оставляет Степану шанс.

Я сижу на кухне, слушаю его дыхание из комнаты и смотрю в темное окно. В голове крутится одна и та же картинка: Степан протягивает Мише динозавра. Молча, не отводя взгляда.

Я прокручиваю это снова и снова и каждый раз спотыкаюсь об одно и то же: почему больше всего именно от этого? Не от его слов «наше сотрудничество закончено». Не от того, как он смотрел на документ в Мишиных руках. А от того, как он спокойно отдал игрушку.

Я закрываю лицо руками и сижу так несколько минут.

Потом ложусь на диван, накрываюсь пледом и закрываю глаза. В комнате тихо, только Шурик изредка шуршит в клетке.

Сейчас надо бы просто отключиться. Но в голове снова его лицо, его голос и зеленый динозавр на краю стола.

А завтра мне все равно придется решать, что делать дальше.

Глава 10. Степан

Я захожу в офис ровно в восемь тридцать, и первое, что замечаю — в приемной тихо. Тишина ровная, офисная, правильная. Никаких детских голосов, никакого шуршания в клетке, никаких карандашей на столике у дивана.

Приемная выглядит именно так, как должна выглядеть приемная генерального директора: чистая стойка, ровные папки, стекло без отпечатков. Марина за монитором.

Я останавливаюсь на секунду у входа и позволяю себе короткий вдох. Хотя бы начало дня нормальное.

— Доброе утро, Степан Евгеньевич. — Марина поднимается почти сразу.

— Доброе.

Она ждет, что я скажу что-то еще. Но я не считаю нужным. Вчерашний день закрыт, люди, надеюсь, сделали выводы. Приемная снова похожа на приемную, а не на филиал домашнего кружка с животными.

У двери в кабинет уже стоит Илья с папкой и планшетом. По лицу видно: он пришел не поздравлять меня с победой над хаосом.

— Доклад? — спрашиваю я.

— Да, Степан Евгеньевич.

— Заходи.

Я открываю дверь, прохожу к столу и снимаю пиджак. В кабинете тоже порядок. На столе только документы, ноутбук, телефон и ручка. Никаких зеленых динозавров, никаких детских пометок, никаких следов чужой жизни. Сажусь в кресло, поправляю перед собой папку.

— Что по сделке?

Илья кладет передо мной документы.

— Слияние по графику формально еще держим. Но по документам проседаем.

Я открываю папку.

— Насколько?

— Сильно.

Поднимаю голову.

— Мне не нужны общие слова. Говори конкретнее.

— Тогда так: правки Соболевой по приложению еще не внесены.

На секунду пальцы замирают на бумаге.

— В смысле, не внесены?

— Их начали переносить, но не закончили.

— Почему?

Илья делает вдох, который я уже умею распознавать. Сейчас будет что-то неприятное.

— Один из юристов вчера написал заявление об уходе.

— Прекрасно. И?

— Два стажера остаются, но они не тянут такой объем. Основные юристы сейчас одновременно закрывают суды, договоры по поставщикам и корпоративные согласования. Все завалено работой. — Он говорит ровно, без оправданий. Просто констатирует.

— Я не хочу слушать о проблемах, мне нужны решения.

— Решение ищем.

Я листаю документ дальше. На второй странице натываюсь на формулировку, которую Соболева уже вычищала. На третьей — еще одну. На четвертой хочется закрыть папку и больше никогда не открывать — какой-то канцелярский лепет. Чувствую, как челюсть сжимается сама собой.

— Кто это правил?

— Лебедев.

— Кто брал его на работу?

Илья молчит.

— Я задал вопрос.

— Вы.

Закрываю папку и отодвигаю ее к краю стола.

— Найдите профессионала на разовую работу.

— Ищем.

— Быстрее ищите.

— Степан Евгеньевич, мы уже обзвонили шесть человек. Все заняты. У кого-то проекты на месяц вперед, у кого-то на два. Еще двое готовы подключиться только после следующей недели. Ищем в других городах.

— Предложите больше денег.

— Предлагаем.

— Еще больше.

Илья не сразу отвечает. Прикусил язык, взвешивает, стоит ли говорить дальше. Мне это молчание не нравится.

— Говори.

— Даже если найдем человека сегодня, ему нужно войти в курс дела. У нас нет на это времени.

— Значит, найдите того, кто войдет быстрее.

— Такой человек уже есть.

Я поднимаю взгляд. Смотрю на него в упор, давая понять, что сейчас лучше остановиться. Илья смотрит в ответ.

— Даже не продолжай.

— Степан Евгеньевич...

— Я сказал: не продолжай.

Он все равно продолжает.

— Соболева знает ситуацию, видит слабые места, уже вычистила половину того, что наши сейчас возвращают обратно. Если без эмоций — она нам нужна.

— Вопрос по Соболевой закрыт.

— Документы не закрыты. — Его голос звучит спокойно, но я слышу в нем упертость, за которую Илья когда-то получил повышение. И за которую теперь, возможно, получит выговор.

— Илья.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь. Вчера из-за ее ребенка и хомяка было сорвано совещание.

— Совещание вы довели до конца. — Он не цепляется, просто уточняет. И от этого еще обиднее, потому что он прав.

Медленно кладу ладонь на папку, пальцы давят на картон.

— Найдите другого специалиста. До вечера.

— Понял.

— Предлагайте больше денег, подключайте другие города, вытаскивайте людей из отпусков, делайте что хотите. К вечеру у меня должен быть вариант.

— Хорошо.

— Про Соболеву я больше слышать не хочу.

— Понял.

Илья кивает, забирает папку и выходит, прикрыв за собой дверь. Я остаюсь один. В кабинете так тихо, что слышен звук вентилятора в ноутбуке.

Пытаюсь сфокусироваться на бумагах. Но взгляд цепляется за пустой край стола, где вчера еще лежал дурацкий зеленый динозавр.

Илья прав. Я это знаю. Но признать вслух, значит согласиться, что вчера я перегнул. А я не перегибаю. Я принимаю решения, и они всегда верные.

Просто иногда последствия этих решений выглядят как пустой стол и тупая боль в висках, которая не проходит даже после кофе.

Я пытаюсь работать. Именно пытаюсь, потому что дело не идет. Открываю документ, читаю первый абзац и сразу вижу место, где Соболева вчера поставила бы красную пометку. Или зеленую. Теперь у нас в офисе, видимо, все важное помечается зеленым.

Челюсть сжимается сама собой. Нет. Не смешно.

На полях старой версии остались ее короткие комментарии — неровный почерк, жесткие формулировки, никакой вежливой юридической ваты. «Слабое место», «размыто», «вынести отдельно», «не прятать риск». Я читаю это и понимаю, что она была права почти в каждом пункте.

И это раздражает сильнее всего. Не она, не Илья, и даже не Лебедев, хотя Лебедев тоже старается изо всех сил.

Меня раздражает то, что правильное решение лежит передо мной на столе, а я вчера сам выгнал это решение из офиса вместе с ребенком, клеткой и зеленым динозавром.

Откидываюсь на спинку кресла и смотрю в окно. За стеклом серое небо, дождь, но я его почти не вижу — взгляд уходит в себя.

Это не тоска. Это бесячая, холодная необходимость. Это злость на факт, который не получается отменить приказом или повышением голоса.

Она нужна.

Нет, это не значит, что я передумал и стал мягче. Это значит, что сделка не обязана страдать из-за моего раздражения. Я сам выгнал единственного человека, который сейчас способен вытащить эту сделку из болота. Отличное управленческое решение, Макаров. Просто в рамку и на стену.

Плечи ноют от напряжения, которое не отпускает со вчерашнего вечера. Провожу ладонью по лицу, несколько раз моргаю, возвращая фокус. Потом нажимаю кнопку селектора.

— Марина.

Пауза, я слышу, как она на той стороне набирает воздух.

— Да, Степан Евгеньевич?

— Свяжитесь с Соболевой. Завтра к девяти.

Марина молчит ровно столько, чтобы я понял: она переспросила бы, если бы могла. В горле пересыхает, но я не добавляю ни слова.

— Передать что-то еще? — осторожно спрашивает она.

Сжимаю переносицу двумя пальцами, чувствуя, как начинается тупая боль за глазами.

— Может прийти в полном составе.

— То есть...

— С ребенком и хомяком, Марина. — Голос звучит ровно, но суше обычного. Подчиненные такого тона обычно боятся больше, чем крика.

Новая пауза. Марина, видимо, переваривает.

— Поняла.

— Подготовьте малую переговорную. Бумага, карандаши, вода. Проверьте, чтобы дверь закрывалась плотно. И никаких документов туда даже не заносить.

— Сделаю.

Отпускаю кнопку и какое-то время смотрю на селектор, невидящим взглядом упираясь в черный пластик.

Вот так. Без объяснений, без реверансов, без «я был неправ». Я не был неправ. Я просто оказался в ситуации, где правильное решение и удобное решение разошлись в разные стороны. Соболева нужна. Значит, завтра она будет здесь.

Я убираю папку в сторону и вдруг замечаю на краю стола зеленый след — маленькую дугу от карандаша. Стереть бы. Беру салфетку, но так и застываю с ней в руке.

Смотрю на пустое место, где лежал динозавр. Вспоминаю серьезное детское лицо и короткое: «Ты не прошел проверку».

Кладу салфетку обратно на стол, не используя.

В кабинете порядок, в приемной тишина, никаких лишних вещей. И все равно что-то в этом порядке неправильное — какое-то неосязаемое, глухое чувство пустоты, которое не вытравить ни отчетами, ни новыми проектами.

Я возвращаюсь к документам.

Завтра к девяти. Пусть приходит. На этот раз правила будут моими.

Глава 11. Надежда

Телефон звонит в половине седьмого вечера, когда я как раз заканчиваю мыть посуду и вытираю руки о кухонное полотенце. На экране — Марина. Офис Макарова. Я смотрю на имя пару секунд, чувствуя, как внутри все напрягается само собой. Даже не могу предположить, чего ждать от этого звонка.

— Слушаю.

— Надежда, добрый вечер, — голос Марины ровный, спокойный, без намека на вчерашнюю неловкость. — Степан Евгеньевич просил передать: завтра к девяти. И чтобы вы были готовы к полноценной работе.

Я молчу. Мне кажется, Марина сама чувствует, как странно это звучит после вчерашнего “в ваших услугах я больше не нуждаюсь”.

— Надежда?

— Да, я слышу.

— Что передать Степану Евгеньевичу?

— Но... — я запинаюсь, ненавижу себя за это.

— Можно в полном составе.

Я смотрю в окно, где уже темнеет, и чувствую, как тяжелеет голова. Он возвращает меня, как будто ничего не было. Вот прямо вся суть Степана Макарова в двух словах. Не “извините”. Не “нам нужно обсудить”. Не “я погорячился”. Просто: завтра к девяти. А я должна сказать «да», потому что мне нужны деньги.

Я закрываю глаза.

Очень хочется сказать что-нибудь колкое. Например: “Передайте Степану Евгеньевичу, что у меня уже другие планы”. Или: “Миша сказал, что с вами опасно иметь дело”.

Но я молчу. Потому что вспоминаю Корсакова. Его кабинет, стеклянный стол, сухой голос:

“Сделку нужно ускорить, Соболева. Мне нужен результат, а не ваши переживания.”

Мне нельзя сейчас хлопнуть дверью, даже если очень хочется. А хочется.

— Передайте, что я приду.

— Хорошо.

Марина кладет трубку, а я еще какое-то время стою у окна, сжимая телефон в руке. Миша играет в комнате, Шурик шуршит в клетке. Все как всегда. И ничего не как прежде.

Как у Макарова все просто.

Будто он не выставил меня вчера из офиса. Будто Миша не стоял перед ним с динозавром и не говорил: “Ты не прошел проверку”. Будто я сейчас не чувствую одновременно унижение, облегчение и что-то еще, совсем неуместное.

Нет, никуда я завтра не пойду. Пусть разбирается сам.

А потом вспоминаю Корсакова. Блин.

Он звонил сегодня утром. Спросил, как идет работа. Я сказала, что нормально. Не сказала, что Макаров меня выгнал. Не смогла. Язык не повернулся признаться, что я не справилась. Он бы не понял. Он бы сказал, что я не профессионал. Или, еще хуже, забрал меня со сделки, а тогда мне действительно нечем было бы платить за квартиру, за кружки Миши, за няню.

Я соврала.

Сказала, что все в порядке, что документы почти готовы, что работа идет по плану. Корсаков сказал: «Хорошо. Держи меня в курсе», и повесил трубку.

Теперь завтра мне придется идти к Макарову и делать вид, что ничего не произошло. А Корсакову врать дальше.

Я закрываю глаза и долго сижу так, в темноте, пока Миша не зовет меня читать.

* * *

Утро начинается с того, что я три раза просыпаюсь, смотрю на будильник, потом все равно встаю раньше и долго изучаю содержимое шкафа.

Черные брюки, белая блузка, пиджак. Слишком строго, будто я иду на допрос. Тогда серое платье. Нет, слишком мягко, будто я хочу понравиться. Я раздраженно закрываю шкаф.

В итоге выбираю темно-синий костюм, который говорит: “Я пришла работать”. Никаких дополнительных смыслов.

После завтрака я проверяю папку с документами — в третий раз за утро. Шурик в клетке деловито перебирает лапками сено, Миша возится в комнате, собирает рюкзак. Я слышу, как он поет что-то себе под нос, и это немного успокаивает.

Я прошу его проверить, все ли он собрал, сама поправляю волосы перед зеркалом. Внутри все дрожит, но снаружи я должна выглядеть спокойной и собранной.

Дверной звонок разрывает тишину.

Смотрю на часы. Восемь пятнадцать. Кого это принесло в такое время?

Миша выбегает из комнаты, Шурик замирает в клетке, будто тоже ждет объяснений.

— Ты кого-то ждешь? — спрашивает Миша.

— Нет.

Я подхожу к двери и смотрю в глазок. За ней стоит Николай Петрович Воронцов. Сердце делает неприятный рывок вниз.

Я открываю.

— Николай Петрович?

Он улыбается. Широко, доброжелательно, почти по-семейному. В руках у него бумажный пакет, из которого выглядывает детский сок и какие-то булочки.

— Деда! — Миша бежит к деду.

Николай Петрович сразу светлеет.

— О, богатырь! Я смотрю, я вас не разбудил.

— Нет, мы уже встали — осторожно отвечаю я. — А вы...

— Да вот, в город приехал по делам, но встречу перенесли. Вот и подумал: чего зря время терять? Заберу внука погулять. Парк, может, зоопарк, мороженое. Погода, конечно, не очень, но мальчику надо воздухом дышать.

Сказано вроде мягко. Но последняя фраза все равно попадает точно туда, где у меня и так синяк.

— Ну что, пойдём сегодня уток проверим? Они там без тебя, наверное, совсем расслабились. — обращается он к Мише.

— А зоопарк?

— Если мама разрешит.

Оба смотрят на меня. Отлично. Они хотят официально сделать из меня главного злодея утра.

— Мне нужно на работу, — говорю я медленно.

— Так я поэтому и пришел, — спокойно отвечает Николай Петрович. — Ты работай. Мы погуляем. Потом пообедаем. Я привезу его обратно или куда скажешь.

Я напрягаюсь.

Внутри сразу поднимается знакомая, старая, липкая тревога. Потому что Воронцовы не просто бабушка и дедушка. По документам они опекуны. По документам у них больше прав, чем у меня. И каждый их добрый жест всегда стоит где-то рядом с фразой: “Мы же лучше знаем”.

— Я не знаю, — говорю я. — У нас сегодня день сложный.

— Тем более, — мягко отвечает он. — Мальчику зачем в этом участвовать?

Он прав, вот что хуже всего.

— Мам, — тихо говорит Миша. — Я могу с дедой. А потом ты меня заберешь?

Я смотрю на него. Он уже в предвкушении прогулки. Парк, бабушка, утки, зоопарк — все это явно лучше, чем сидеть у Марины с карандашами и пытаться не мешать взрослым.

— Хорошо, — выдыхаю я. — Только телефон у бабушки включен. И вы мне пишете. И фото присылаете.

— Наденька, конечно, — говорит Николай Петрович.

Вот это “конечно” мне не нравится. Но выбора у меня не много.

Миша убегает в комнату. Я стою в прихожей и чувствую, как натянута каждая мышца.

— Надя, — тихо говорит Николай Петрович. — Ты не волнуйся. Он с нами все-таки не чужой.

Я смотрю на него.

— Я знаю.

Только это и страшно.

Через десять минут Миша уже в куртке, с рюкзаком и динозавром под мышкой. Шурика он оставляет дома после долгих переговоров.

— Веди себя хорошо.

— Ага! — Миша берет деда за руку, и они выходят.

Дверь закрывается. В квартире становится слишком тихо, а в груди пусто и тревожно.

Я стою еще несколько секунд, потом быстро собираю сумку, документы и выхожу, пока не успела передумать.

В офисе я ровно в девять.

Прохожу мимо малой переговорной, дверь открыта. На столе лежит бумага, карандаши, бутылка воды. На диване плед. Я смотрю на все это несколько секунд и только потом понимаю: он правда подготовил место для Миши.

Марина встречает меня привычным «Здравствуйте», но я вижу: она смотрит за мою спину, туда, где обычно стоит Миша.

— Вы сегодня одна? — осторожно спрашивает она.

— Одна, — отвечаю я коротко.

Она не уточняет. Просто кивает и сообщает, что Степан Евгеньевич уже в кабинете.

Я прохожу внутрь. Дверь открыта, он сидит за столом и что-то читает. Когда я вхожу, поднимает голову, и его взгляд скользит за мою спину.

— Одна?

— Сегодня да.

— Разумно.

Пауза. Секунда, не больше.

— Садитесь, — говорит он сухо, и я сажусь напротив.

На столе лежат документы по сделке. Я замечаю на полях свои пометки зеленым. И новые — карандашом, мужским почерком. Лебедев, наверное. Или кто-то из внутреннего отдела.

— Нам нужно отправить на согласование контракт и все приложения сегодня, — говорит он без вступления. — Иначе сдвинется весь график.

— Я поняла.

Он кивает и отодвигает папку ближе ко мне.

Мы начинаем работать. В кабинете тихо. Только шорох бумаг и шелчок ручки. Иногда я чувствую его взгляд на себе, когда он думает, что я не смотрю. Он проверяет меня. Или пытается понять, почему я одна.

Но он не спрашивает, а я не объясняю.

Через час я краем глаза смотрю на телефон. Нет сообщений от Миши, нет звонков от Воронцова. Набираю сообщение: «Как дела?»

Отправляю. Кладу телефон экраном вниз и снова смотрю в документы.

Макаров замечает.

— Ждете звонка?

— Нет, — отвечаю я слишком быстро.

Он не верит, но не уточняет. Работаем дальше.

Телефон вибрирует через двадцать минут. Я вздрагиваю и тут же тянусь к нему. Макаров, конечно, это видит.

На экране сообщение от Николая Петровича.

Фото: Миша стоит у фонтана в парке, держит динозавра за шею и улыбается так широко, будто вчерашнего дня не было. Подпись: “Гуляем. Все хорошо.”

Я выдыхаю.

— Все в порядке? — спрашивает Макаров.

— Да. Миша в парке.

— Я не спрашивал, где он.

— Мне показалось.

Он молчит секунду.

— Работайте, Соболева.

Я кладу телефон экраном вниз, но через несколько минут все равно снова кошусь на него.

Это раздражает и мешает, но я ничего не могу с собой поделать. Потому что бабушка может быть сколько угодно добрым, парк сколько угодно хорошим, а Миша сколько угодно довольным на фото.

Но ребенок не рядом. А у меня давно выработалась привычка проверять мир каждые пять минут, если в этом мире есть Миша без меня.

К четырем часам я уже понимаю: мы не успеваем. Не катастрофически, но хвост остается — одно мерзкое приложение, которое нельзя перенести на завтра, потому что завтра все документы уже должны лежать на согласовании у Корсакова.

Макаров тоже это понимает. Я вижу по тому, как он молча перечитывает страницу, потом откладывает ее в сторону и смотрит на часы. Взгляд скользит по циферблату, челюсть чуть сжимается — он просчитывает варианты, и ни один ему не нравится.

— Сколько вам нужно времени, чтобы закончить?

— Час, — говорю я. — Если не возникнет новых сюрпризов.

— Значит, полтора.

Телефон вибрирует почти сразу. Николай Петрович. Я отвечаю, уже чувствуя, как внутри все сжимается. Этот привычный спазм под ребрами появляется каждый раз, когда кто-то из Воронцовых напоминает о себе.

— Наденька, мы нагулялись. Миша немного устал, но держится молодцом. Ты дома?

Я закрываю глаза на секунду. Нет, я не дома. Я в офисе, и у меня еще полтора часа работы, которую нельзя отложить.

— Николай Петрович, я... — начинаю я и замолкаю, потому что не знаю, как объяснить человеку, что я не могу забрать ребенка прямо сейчас.

Макаров поднимает взгляд.

— Что?

Я прикрываю телефон ладонью.

— Мне нужно забрать Мишу.

Он снова смотрит на часы, потом на меня.

— Водитель отвезет вас и привезет обратно. Нужно закончить сегодня.

Я даже не сразу нахожу, что ответить.

— Это не обязательно.

— Так будет быстрее.

Киваю, потому что спорить бесполезно, и возвращаюсь к телефону.

— Я еще в бизнес-центре на Ленина. Подъезжайте сюда, я вас дождусь.

— Хорошо, минут через тридцать. — соглашается Воронцов, и я слышу в его голосе недовольство. — Только Надя... ребенка пожалей. Он уже устал.

Слова падают ровно туда, куда он целился — в мою вечную, липкую вину. Сжимаю трубку сильнее, пальцы давят на корпус.

— Я знаю.

И именно это бьет больнее всего. Потому что я действительно знаю. И все равно не могу придумать, как сделать лучше.

Я сбрасываю звонок и несколько секунд смотрю в стол.

— Проблема? — спокойно спрашивает Макаров.

— Сейчас Мишу привезут сюда.

Он молчит. Я уже готовлюсь услышать что-нибудь про дисциплину, организацию жизни и прочие упреки, но он только нажимает кнопку селектора.

— Марина.

— Да, Степан Евгеньевич?

— В малую переговорную чай, воду и что-нибудь поесть для ребенка.

Пауза. Марина, кажется, переваривает неожиданную заботу.

— Хорошо.

— И плед.

Я поднимаю голову. Степан уже снова смотрит в документы, будто ничего особенного не сказал.

— Не смотрите так, — говорит он сухо, даже не поднимая глаз. — Вернемся к пункту про ограничения.

Отвожу взгляд. Пальцы сами собой сжимаются в кулак под столом.

— Спасибо.

Он ничего не отвечает. Только перелистывает страницу.

Через двадцать пять минут Миша появляется в приемной — румяный, растрепанный, с динозавром под мышкой и пакетом из зоопарка в другой руке. Николай Петрович идет следом, улыбается Макарову слишком внимательно, говорит что-то вежливое про «не буду мешать работе». Я киваю, принимаю Мишу.

Мне не нравится эта улыбка Воронцова, но сейчас не время разбираться.

Николай Петрович уходит, а мы втроем идем в малую переговорную. Степан садится на диван, раскладывает перед собой документы. Я заканчиваю правки в последнем приложении, пальцы бегают по клавишам, глаза скользят по строкам.

Миша бодро держится первые полчаса. Потом начинает тереть глаза кулаками — сначала одним, потом другим, будто это может помочь. Но сидит тихо за столом, играет с динозавром, не дергается, не просится домой. Это трогает сильнее, чем если бы он ныл.

— Мам...

Поднимаю голову.

— Что?

— Я не хочу спать.

— Конечно, не хочешь.

— Вообще.

И сразу, предательски, очень сладко зевает.

Макаров, не поднимая головы от документов, говорит:

— Иди сюда.

Я моргаю. Смотрю на него, пытаюсь понять, не ослышалась ли.

— Куда? — осторожно спрашивает Миша.

— Сюда. — Степан чуть двигается на диване, освобождая место рядом с собой. — Посиди пять минут на диване, тут удобнее.

Миша переводит взгляд на меня. Я на Степана. На его лице нет ни улыбки, ни особой мягкости, только спокойная деловая интонация человека, который решил задачу самым эффективным способом.

— Иди, — говорю я осторожно.

Миша подходит так, будто проверяет минное поле. Садится рядом с Макаровым, держа динозавра за хвост. Потом как-то само собой получается, что он прислоняется плечом к Степану. Потом укладывает голову.

Макаров буквально замирает: рука с документом остается в воздухе, пальцы застыли на полуслове. Он явно не понимает, что теперь делать с ребенком, который решил использовать его как мебель. Весь его вид излучает растерянность, которую он отчаянно пытается скрыть.

— Миша... — начинаю я.

— Я не сплю, — бормочет тот уже с закрытыми глазами. Голос сонный, тягучий, будто слова плывут сквозь вату.

Через минуту он съезжает ниже и совершенно бессовестно устраивается у Степана под боком, вцепившись в динозавра. Макаров сидит с таким лицом, будто на него только что положили взрывоопасный объект и забыли приложить инструкцию. Одной рукой он все еще держит документы. Вторую очень осторожно, почти не дыша, кладет рядом, чтобы Миша не свалился на пол.

И смотрит на меня с легким недоумением, будто я должна сейчас объяснить, что принято делать, когда на тебе засыпает чужой ребенок.

Я почему-то едва сдерживаю улыбку.

— Простите, — шепчу.

— За что именно? — так же тихо, почти не разжимая губ, спрашивает он.

— За... все это.

Он опускает взгляд на спящего Мишу. Молчит пару секунд, смотрит на детское лицо, на динозавра, прижатого к груди.

— Поздно уже извиняться, — говорит он очень тихо.

Но звучит это почему-то совсем не зло.

Глава 12. Степан

Миша съезжает ниже и совершенно бессовестно устраивается у меня под боком, вцепившись в динозавра.

Я замираю. Но не от умиления. Просто в правой руке документы, левую не могу убрать — мальчишка скатится на пол. А если оставляю, придется признать, что я сижу с чужим мальчишкой под боком и боюсь пошевелиться.

Идиотизм.

Поднимаю взгляд на Соболеву. Она смотрит так, будто ждет от меня чего-то.

— Простите, — шепчет.

— За что именно? — спрашиваю тихо, почти не разжимая губ.

— За... все это.

Опускаю глаза на Мишу. Спит. Спокойно и беззащитно. Дышит ровно, и от этого дыхания у меня внутри что-то шевелится.

— Поздно уже извиняться, — говорю я. Сам не знаю, зачем.

Голос звучит не так, как планировал. Слишком мягко.

Твою мать.

Я делаю вдох. Еще один. Потом смотрю на часы, на ее бледное лицо, на спящего ребенка.

— Все, — говорю сухо. — Собирайтесь. Я вас отвезу.

Она открывает рот, чтобы возразить, но я уже наклоняюсь, аккуратно перехватываю Мишу, поднимаюсь.

— Документы не забудьте, — бросаю через плечо и выхожу в приемную, не дожидаясь ответа.

Сам не понимаю, зачем повез их сам, а не вызвал водителя. Просто сажусь за руль, жду, пока она устроится с ребенком на заднем сиденье, и завожу двигатель.

Вечер опускается на город раньше, чем обычно, и к тому моменту, когда мы выезжаем с парковки, фонари уже горят в полную силу. Миша спит на заднем сиденье, голова запрокинута, динозавр прижат к груди, губы чуть приоткрыты. Надежда сидит рядом с ним, тихая, уставшая, и всю дорогу смотрит в окно, не произнося ни слова.

Я тоже молчу. В салоне слышно только шум колес и ровное дыхание ребенка.

Мыслей нет. Есть только тяжесть где-то в груди и странное, непрощенное ощущение, что я делаю неправильный шаг, безо всякой деловой необходимости.

Но я уже паркуюсь у ее подъезда, выхожу и, не спрашивая, открываю заднюю дверь.

— Я сам, — говорю тихо, чтобы не разбудить Мишу.

Соболева смотрит на меня секунду, потом кивает.

Я беру мальчишку на руки — он легкий, теплый, пахнет чем-то детским и сладким. Миша всхлипывает во сне, но не просыпается, только крепче прижимает динозавра.

Мы заходим в маленькую квартиру. В прихожей темно, Надежда щелкает выключателем, и я вижу узкий коридор, старый паркет, вешалку. Она идет вперед, открывает дверь в комнату Миши, и я заносу ребенка внутрь.

Здесь тесно. Кровать, шкаф, письменный стол, заваленный карандашами. На стенах рисунки — драконы, роботы, что-то космическое. Я опускаю Мишу на кровать, он сразу сворачивается калачиком, не отпуская игрушку.

Поправлять одеяло не собирался, но рука тянется сама.

И в этот момент я вижу ее.

На тумбочке у кровати стоит фотография в простой деревянной рамке. Женщина. Светлые волосы, улыбка, глаза...

Алиса.

У меня будто кто-то выдергивает звук из комнаты. На секунду перестаю слышать вообще все. Ни холодильника, ни дыхания ребенка, ни шагов Соболевой. Только кровь в ушах.

Нет.

Не может быть. Просто похожа. Просто женщина со светлыми волосами. Но я уже знаю, что вру сам себе. Потому что эту улыбку я когда-то целовал. Эти глаза видел сонными. Эту родинку у скулы мог найти с закрытыми глазами.

— Все в порядке? — голос Соболевой звучит тихо, но я слышу в нем напряжение.

Я медленно выпрямляюсь.

— Кто это? — спрашиваю, кивая на фото.

Она подходит ближе. Смотрит на рамку, потом на меня.

— Алиса. Мама Миши. Моя подруга.

Я знаю. Я уже знаю. Но услышать это вслух — совсем другое.

— Она погибла три года назад, — продолжает Надежда. — Точнее, через месяц будет три года. Я растила Мишу с тех пор.

Я перевожу взгляд на Мишу. На его лицо. На фото Алисы. Снова на лицо мальчика. Линия бровей, упрямый подбородок, даже привычка хмуриться во сне.

Господи.

Я это уже видел. В зеркале.

— Как ее фамилия? — выдыхаю я.

Соболева хмурится.

— Что?

— Фамилия Алисы.

— Кравцова. А что?

Кравцова.

Да. Точно. Она. Мы встречались почти полгода, она была яркой, живой, ни на кого не похожей. Я уже не помню, из-за чего мы расстались. Какая-то глупая ссора, гордость, нежелание уступать. Она исчезла из моей жизни, и я почти не думал о ней потом.

А она, оказывается, родила сына.

Моего?

Я смотрю на спящего Мишу. Считаю про себя: ему шесть лет. Мы расстались почти семь лет назад. По срокам сходится. По лицу — тоже.

Воздуха становится мало настолько, что приходится сделать вдох через рот. Я выхожу из комнаты: слишком тесно, слишком жарко, слишком много воздуха и одновременно его нет. На кухне темно. Я упираюсь ладонями в столешницу. Вдох. Еще. Не думать. Проверить. Убедиться. Потом думать.

Твою мать.

— Степан, — Надежда касается моего локтя. Осторожно, почти невесомо. — Что происходит? Вы меня пугаете.

Я вздрагиваю сильнее, чем должен, будто меня поймали на чем-то. Резко поворачиваюсь к ней.

Она стоит близко. Домашний свет делает ее другой — мягче, живее. Волосы чуть растрепались, под глазами усталость. В одной руке телефон, второй она все еще будто неосознанно касается моего локтя.

Только сейчас замечаю, что правда дрожу. Плечи каменные. Пальцы свело. Сердце бьется тяжело и неровно, будто не понимает, в какую сторону вообще теперь работать.

Я смотрю на нее и понимаю: еще секунда — и спрошу.

Ты знала?

Скажу это вслух и назад дороги уже не будет. Потому что если она знала... Нет. Сначала факты. Всегда сначала факты. Но взгляд сам возвращается к двери детской. К спящему ребенку, который уснул у меня под боком, будто так и надо. К ребенку, который, возможно...

Твою мать.

Я резко провожу рукой по лицу. Собираю себя обратно буквально по кускам.

— Все нормально, — говорю наконец.

Голос звучит хрипло. Она не верит.

— Это не похоже на «нормально», — тихо отвечает.

И вот тут становится опасно. Потому что она стоит слишком близко. Потому что поздно. Потому что в квартире тихо. Потому что в соседней комнате спит ребенок. И потому что после всего этого хаоса мне вдруг до боли хочется за что-то зацепиться. За что-то живое. Понятное.

Надежда не отходит. Смотрит внимательно. Тревожно. И почему-то именно это добывает окончательно. Я замечаю прядь волос, упавшую ей на щеку. Сам не понимаю, в какой момент поднимаю руку. Просто чтобы убрать.

Наверное.

Или убедиться, что она настоящая. Что этот вечер вообще настоящий. Ладонь почти касается ее лица. Замирает в миллиметре.

Соболева тоже замирает. Не отступает. Только дыхание становится чуть чаще. И мое тоже. Тихо. Слишком тихо. Я чувствую запах ее волос. Теплый. Домашний. Чужой и уже почему-то знакомый.

И вдруг в голове вспыхивает настолько ясная мысль, что меня почти физически отбрасывает назад.

А если это мой сын?

Если все это время я сидел рядом? Слушал, как он болтает. Как смеется. Как проверяет меня своим динозавром.

И если сейчас я сделаю шаг к Наде... Что тогда? Кто она во всей этой истории, что знает — и что, черт возьми, скрывает?

Я резко опускаю руку. Делаю шаг назад. Потом еще один. Будто дистанция вдруг может что-то исправить.

— Уже поздно, — говорю слишком жестко.

Голос снова становится моим. Холодным и собранным. Надежда чуть вздрагивает. Я это вижу, но все равно не останавливаюсь. Потому что иначе сейчас просто сорвусь.

— Вам нужно отдыхать.

Глава 13. Надежда

Я закрываю дверь за Степаном и еще несколько секунд держу ладонь на замке. В квартире тихо, только из комнаты Миши доносится ровное сонное дыхание, а на кухне негромко гудит холодильник. Все вокруг снова становится обычным: узкая прихожая, старый паркет, мой пиджак на вешалке. Только я никак не могу вернуться в это обычное, потому что внутри все продолжает стоять на месте, как после резкого торможения.

Я медленно опускаю руку от замка и прислоняюсь спиной к двери. В щеке до сих пор живет ощущение его почти-прикосновения, хотя он так и не дотронулся. Глупо, взрослая женщина, юрист, мать шестилетнего ребенка, стоит в прихожей и помнит не прикосновение, а расстояние до него. Несколько миллиметров между его пальцами и моей кожей, несколько секунд тишины, один странный взгляд, после которого он будто испугался самого себя.

Сначала я пытаюсь разозлиться. Это было бы проще всего. Степан Макаров в своем репертуаре: появился, распорядился, занес спящего Мишу, увидел фотографию Алисы и словно выпал из реальности. Потом чуть не коснулся меня и через секунду снова стал холодным, собранным человеком, который умеет одним тоном поставить между собой и всеми остальными бетонную стену.

“Вам нужно отдыхать”. Как будто это я сейчас была странной. Как будто не он стоял в моей кухне с таким лицом, что мне впервые за все время стало за него по-настоящему страшно.

Я делаю шаг к выключателю, щелкаю им и вдруг понимаю, что все еще дышу слишком поверхностно. Приходится сделать несколько медленных вдохов, чтобы перестало тянуть под ребрами. В голове снова всплывает детская комната: Миша на кровати, скомканное одеяло, карандаши на столе, фотография Алисы в деревянной рамке и Степан, который в какой-то момент перестал быть уверенным, жестким, раздражающим Макаровым. Он просто стоял и смотрел на фото. Слишком долго. Слишком неподвижно. И спросил ее фамилию голосом, в котором было что-то чужое.

Зачем ему фамилия Алисы? Откуда эта реакция? Они были знакомы? Работали вместе? Встречались когда-то? Эта мысль неприятно цепляет, хотя я не имею права даже на смешную ревность. Алиса была моей подругой, Мишиной мамой, частью жизни, которую я до сих пор держу в памяти бережно и больно. Степан не должен был вдруг оказаться рядом с этой памятью. Но он оказался. И посмотрел на ее фотографию так, что теперь я не смогу просто забыть.

Прохожу на кухню, машинально намыливаю Мишину кружку. Вода бьет по керамике, а мысли все равно возвращаются туда же: его ладонь у моего лица, его резкий шаг назад, его хриплое “все нормально”, в которое не поверил бы даже Миша. Я видела, как он держался. Видела, как у него дрожали пальцы. И самое опасное — я хотела не отстраниться, а подойти ближе.

От этого становится стыдно. Но не потому, что он мне неприятен. Как раз наоборот. Я должна думать о Корсакове, о сделке, о том, что каждый следующий документ может оказаться ловушкой, а мне отведена роль человека, который подведет Степана к нужной подписи. Я должна держаться на расстоянии, считать его клиентом, задачей, проблемой, кем угодно, только не мужчиной, который сегодня сидел с моим сыном под боком и боялся пошевелиться, чтобы не разбудить.

Я вытираю мокрые руки о полотенце и сажусь за стол. В квартире по-прежнему тихо, Миша спит, Шурик где-то шуршит в клетке, а я сижу в своей маленькой кухне и понимаю, что самое страшное случилось не в тот момент, когда Степан почти коснулся моего лица. Самое страшное случилось раньше. Наверное, когда он взял Мишу на руки так осторожно, будто держал не чужого ребенка, а что-то важное и хрупкое. Или когда приказал Марине принести плед. Или когда молча отдал динозавра после того ужасного дня.

Я закрываю глаза и упираюсь пальцами в переносицу. Мне нужно выспаться, завтра снова работа, документы, Корсаков, чужие интересы, моя зарплата, Мишины кружки, квартира, няня и все остальное, что не терпит красивых слабостей. Но вместо списка дел перед глазами снова стоит Степан в моей кухне, его поднятая рука и взгляд, в котором на секунду было слишком много.

И я никак не могу понять, в какой момент начала думать о человеке, которого должна обмануть.

* * *

Утро встречает меня тяжелой головой и ощущением, что ночь была не сном, а долгим перерывом между двумя рабочими сменами. Я просыпалась несколько раз, смотрела в потолок, слушала, как за стеной ровно дышит Миша, потом снова закрывала глаза и проваливалась в неглубокую, беспокойную темноту. К будильнику я уже не сплю, просто лежу и думаю, что надо встать, приготовить завтрак, собрать ребенка, документы, Шурика, себя и при этом сделать вид, что вчера в моей кухне ничего не произошло.

Миша, в отличие от меня, просыпается бодрым и подозрительно разговорчивым. Он сидит за столом, болтает ногами, жует бутерброд и рассказывает Шурику, как вчера было интересно в парке кормить уток.

— Мам, а Шурик понял, что мы снова едем на работу?

— Думаю, он сейчас больше занят завтраком.

— Это потому что у него нет календаря, — серьезно говорит Миша. — Был бы календарь, он бы знал, что сегодня рабочий день.

Я ставлю перед ним кружку с чаем.

— Шурику пока хватит клетки, воды и твоего контроля.

— Я не контролер. Я руководитель.

— Руководитель чего?

— Хомячьего отдела.

— Звучит солидно.

— Ага. Только он меня не слушается.

— Добро пожаловать во взрослую жизнь.

Миша хмурится, будто я сказала что-то важное и не очень приятное.

— А дядю Степу все слушаются?

Я едва заметно сбиваюсь, но сразу отворачиваюсь к раковине, чтобы он не увидел моего лица.

— Думаю, да.

— А он кого-нибудь слушается?

— Возможно, документы.

— Документы не разговаривают.

— Иногда это их главное достоинство.

Миша задумывается и ковыряет кашу ложкой.

— Он вчера хороший был.

Пальцы сами крепче сжимают край столешницы.

— Кто?

— Дядя Степа.

— Ешь, не болтай, — говорю я. — Нам через двадцать минут выходить.

— Только я ему сегодня динозавра не дам.

— Почему?

— Рано еще.

— Значит так, — я забираю у Миши пустую тарелку. — Сегодня в офисе ты сидишь спокойно. Шурика не выпускаешь. В кабинет без спроса не заходишь. Документы не трогаешь.

— Даже если там будет непонятно?

— Особенно если там будет непонятно.

— Жалко, — вздыхает он. — Я хорошо объясняю.

— Да. Именно это нас всех и пугает.

Миша сползает со стула и важно поправляет на клетке ручку.

— Ладно. Тогда я сегодня буду просто наблюдать.

— Вот и отлично

Я собираю посуду, проверяю документы, потом еще раз проверяю телефон. Сообщений нет. И это почему-то раздражает, хотя я сама не знаю, чего ждала. От Степана? Смешно. Очень смешно. Он сказал “вам нужно отдыхать”, ушел и наверняка уже успел вернуть себя в нормальный режим: совещания, документы, холодный голос, никакой кухни, никакой Алисы на фотографии, никакого почти-прикосновения.

А я, видимо, решила заняться утренним самообманом вместо нормальных сборов. Потому что никакого сообщения от Степана мне быть не должно. И все равно я проверяю телефон еще раз.

Глава 14 Надежда

В офис мы приезжаем без пяти девять. Приемная уже проснулась: Марина за стойкой, телефон мигает входящими, на столике в малой переговорной снова лежат бумага, карандаши, бутылка воды. В углу даже стоит отдельный маленький столик для клетки. Я замечаю это сразу и чувствую неприятный укол под ребрами. Степан предусмотрел.

Миша тоже замечает столик.

— Это Шурику кабинет?

Марина приподнимает брови, но быстро справляется с лицом.

— Можно сказать и так.

— Хорошо. Ему давно пора.

Я ставлю клетку на столик и оглядываюсь на дверь кабинета. Закрыта. Я успеваю подумать, что сейчас он выйдет, сухо посмотрит на нас, спросит, все ли сегодня готовы к работе, и этот привычный раздражающий порядок почему-то почти успокаивает.

Но дверь не открывается.

Марина смотрит на меня чуть внимательнее обычного.

— Степан Евгеньевич сегодня с утра не в офисе, — говорит она. — Вы можете работать в малой переговорной. Все документы я уже подготовила.

Я несколько секунд просто смотрю на нее.

— Его не будет?

— Не знаю. Он не уточнял время. Сказал, чтобы вы работали без него.

— Понятно.

Голос получается ровный. Даже слишком. Миша уже занялся карандашами, Шурик шуршит в клетке, а я стою на месте и чувствую, как внутри неприятно стягивает.

Почему его нет? Из-за вчерашнего? Он передумал? Понял что-то после фотографии Алисы? Или просто решил, что ему больше не нужно лично сидеть рядом со мной после той странной сцены на кухне?

Самое неприятное — не тревога. С ней я бы справилась. Самое неприятное то, что под тревогой быстро проступает глупое, совсем неуместное разочарование. Я ловлю себя на этом и тут же злюсь.

Очень удачно, Надя. Просто блестяще. Человек вчера чуть не поцеловал тебя, потом отступил с ледяным лицом, сегодня не приехал в офис, а ты уже успела расстроиться, что он не встретил тебя у двери.

— Надежда? — осторожно зовет Марина.

Я моргаю и наконец захожу в малую переговорную.

— Да. Спасибо. Работаем.

Сажусь за стол, открываю папку и заставляю себя смотреть в документы. Смотрю в документы, но глаза не фокусируются. Потом беру себя в руки, и буквы снова становятся четкими. Я беру ручку, нахожу нужный пункт, делаю первую пометку.

Миша рядом что-то тихо объясняет Шурику про офисную дисциплину.

Марина закрывает дверь.

А я все равно еще несколько минут слушаю коридор, хотя прекрасно понимаю: ждать там нечего.

Телефон звонит ближе к одиннадцати, когда я уже почти заставляю себя не слушать коридор и не ждать шагов за дверью. Миша сидит за соседним столом, тихо рисует Шурику “план офиса”, клетка стоит рядом, документы разложены передо мной ровными стопками. Со стороны все почти прилично: я работаю, ребенок занят, хомяк под контролем. Степана нет, и никто не смотрит на меня так, что я потом забываю, как дышать.

На экране высвечивается Корсаков.

Я беру телефон не сразу. Пальцы холодеют еще до того, как я отвечаю.

— Да, Алексей Валерьевич.

— Соболева, как у вас?

Голос спокойный. Даже слишком. Без раздражения, без нажима, почти будничным. Именно поэтому внутри неприятно стягивает.

— Работаю. Документы привожу в порядок.

— Макаров на месте?

Я смотрю на закрытую дверь переговорной, потом на разложенные бумаги.

— Нет. Сегодня с утра его нет в офисе.

Пауза выходит короткая, но я успеваю пожалеть, что сказала это.

— Значит, работаете без него?

— Да.

— Хорошо. Иногда отсутствие руководителя ускоряет процесс. Особенно если руководитель любит все контролировать.

Я молчу. Корсаков не ждет от меня реакции, ему она и не нужна.

— Сроки вы помните?

— Помню. Сделка через два дня.

— Не сделка, Соболева. Подписание ключевого пакета. Сделка начнется после того, как нужные бумаги окажутся там, где должны быть.

Я сжимаю ручку. Пластик чуть скрипит под пальцами.

— Что именно нужно?

— Дополнительный документ. Ничего сложного. Доверенность на нашего представителя. Для регистрационных действий, согласований, оперативного сопровождения. Техническая бумага.

У меня внутри все замирает.

— С каким объемом полномочий?

— Достаточным, чтобы не бегать к Макарову за каждой подписью.

Я медленно отодвигаю от себя верхний лист.

— Алексей Валерьевич, если там широкий объем полномочий по активам, это не техническая бумага.

— Не драматизируйте.

— Я не драматизирую. Я уточняю.

— Вы юрист, вот и оформите так, чтобы выглядело корректно.

Он говорит ровно. Спокойно. Так, как говорят люди, которые заранее решили, где у тебя будет совесть, а где подпись.

Я встаю и отхожу к окну, чтобы Миша не слышал. Он все равно занят рисунком, но я не хочу, чтобы даже отдельные слова долетели до него.

— Макаров такое не подпишет, если увидит.

— Поэтому документ должен идти в общем пакете.

Я закрываю глаза.

— Он читает документы.

— Все читают документы, Соболева. На словах. На практике человек, которому через два дня надо спасти компанию, подписывает то, что подготовил специалист, которому он уже начал доверять.

В горле становится сухо.

Вчерашняя кухня всплывает сразу, без спроса. Его рука у моего лица. Миша, спящий у него под боком. Плед в малой переговорной. Степан, который пытался держать документы одной рукой, потому что второй страховал моего сына, чтобы тот не съехал на пол.

— Я не уверена, что он мне доверяет, — говорю тихо.

— Не скромничайте. Вы уже почти вошли в доверие.

Слова попадают точно. Пальцы немеют, телефон вдруг кажется скользким.

Я смотрю на Мишу — он поднимает лист и что-то важно объясняет Шурику. На листе, кажется, нарисован длинный коридор, стол и маленький рыжий круг в углу.

— Надежда, — голос Корсакова становится чуть ниже. — Вы меня слышите?

— Да.

— Тогда фиксируем. Сегодня готовите основной пакет. Завтра доверенность должна быть внутри. Без отдельного обсуждения, без лишних вопросов, без вашей личной оценки ситуации. Это не ваша компания и не ваша война.

Я слишком быстро отвечаю:

— Я поняла.

И сразу понимаю, что ничего я не поняла. Точнее, поняла как раз слишком хорошо.

Корсаков хочет, чтобы я подвела Степана к подписи. Не помогла закрыть сделку. Не исправила документы. Не удержала процесс от развала. А положила в этот процесс бумагу, которая потом может стоить ему компании.

— Отлично, — говорит Корсаков. — Держите меня в курсе.

Связь обрывается.

Я еще несколько секунд стою у окна с телефоном в руке. Потом опускаю его и смотрю на свое отражение в стекле. Темный костюм, собранные волосы, нормальное лицо профессионального человека.

Только пальцы холодные. И в груди неприятно тянет, как перед плохой новостью, которую уже услышала, но еще не успела принять.

После звонка я еще час правлю документы почти на автомате. Слова складываются в нормальные формулировки, руки делают работу, а внутри все время лежит одна мысль: доверенность.

Из офиса мы уходим после обеда. Я забираю документы, Мишины рисунки, благодарю Марину и почти сразу переключаюсь в обычный режим: магазин, дом, обед, прогулка, занятия по тетради, конструктор, спор из-за мультиков и обязательное “еще пять минут”, которое никогда не длится пять минут.

День получается нормальным. Не спокойным, нет, но хотя бы понятным. Миша носится по площадке, потом собирает дома космическую станцию для динозавра, потом старательно выводит буквы, высунув язык от усердия. Я проверяю задания, режу яблоко, отвечаю на пару рабочих сообщений и все время ловлю себя на том, что мысли уходят не туда.

К Степану. К его вчерашнему взгляду. К фотографии Алисы. К тому, как он почти коснулся моего лица, а потом отступил так резко, будто перед ним открылась пропасть.

Вечером, когда Миша уже в пижаме, а на кухне остывает чай, я наконец вспоминаю о Шурике.

— Миш, покорми хомяка, пожалуйста.

— Сейчас!

Он уходит в комнату. Через несколько секунд там становится слишком тихо.

Я сразу поднимаю голову.

— Миша?

Ответа нет.

Захожу и вижу сына возле стола. В одной руке у него корм, в другой динозавр. Перед ним открытая клетка.

Пустая.

Я подхожу ближе, хотя уже все вижу. Заглядываю внутрь, трогаю сено, поднимаю маленький картонный домик, будто хомяк мог спрятаться под ним и стать невидимым из принципа.

— Миша, — говорю очень спокойно. — Где Шурик?

Он смотрит на клетку, потом на меня. Моргает. Думает.

— Ой.

— Что “ой”?

— Наверное, в офисе остался.

Я закрываю глаза на секунду.

В офисе. У Степана. В тот самый день, когда он не появился после вчерашнего вечера, фотографии Алисы и своего странного взгляда.

Миша, в отличие от меня, выглядит почти философски.

— Мам, не волнуйся. Шурик маленький, но деловой. Он найдет, где устроиться.

Вот именно это меня и пугает.

Глава 15. Степан

В офис я возвращаюсь уже после семи. За день успеваю выслушать банк, инвесторов, налогового консультанта и двух людей, которые почему-то считают, что слово “срочно” отменяет реальность. К концу рабочего дня голова должна быть забита цифрами, сроками и рисками, но стоит мне закрыть дверь кабинета, как вместо всего этого перед глазами снова встает деревянная рамка на тумбочке.

Алиса.

Я бросаю портфель на кресло, сажусь за стол и открываю папку по сделке. На первой странице знакомые формулировки, пометки Соболевой, мои правки на полях. Нормальная рабочая среда. Нормальные задачи. Все, за что можно зацепиться, чтобы не думать о чужой маленькой квартире, спящем мальчике и фотографии женщины, которую я не видел почти семь лет. Я смотрю в текст, вижу знакомые формулировки, но смысл ускользает. Строки есть. Я их читаю. Но мозг отказывается собирать буквы в слова, слова — в условия, условия — в риски.

Все раздражает.

Лампа светит слишком ярко, хотя я уже убавил ее до минимума. Телефон мигает красным непрочитанным сообщением от кого-то из инвесторов, надо ответить, но не могу заставить себя взять его в руки. На столе разложены отчеты, которые я должен был подписать еще утром, но они так и лежат нетронутыми. Даже моя любимая ручка, которая пишет всегда ровно и без помарок, сегодня скрипит, цепляется за бумагу, оставляя жирные, неровные линии.

Я перечеркиваю написанное, делаю новую пометку, тут же понимаю, что она не нужна, перечеркиваю снова. Закрываю папку. Открываю. Смотрю на первый лист, не читая. Перелистываю несколько страниц, возвращаюсь назад.

Идиотизм.

Я откидываю ручку, но через секунду снова беру ее в руки. Пальцы сжимают пластик слишком сильно. Мысли настойчиво возвращаются к мальчишке — к линии бровей, упрямому подбородку и этой складке между бровями во сне.

Почему я раньше не заметил?

Провожу ладонью по лицу. Сжимаю челюсть.

В голове возникает Миша, спящий у меня под боком. Как он съехал ниже, прижался всем теплым, доверчивым телом. Как дышал. Как я боялся пошевелиться. И как потом, в комнате, стоял и смотрел на фотографию, чувствуя, как внутри все рушится.

Я встаю, подхожу к окну. На улице давно стемнело, фонари горят ровными желтыми точками, внизу редкие машины, где-то далеко город, который не спит. А я стою и смотрю на свое отражение в стекле. Чужое, уставшее, злое лицо.

Злость цепляется за все подряд: за Алису, которая молчала; за Надю, которая оказалась слишком близко к этой истории; за себя, потому что я смотрел на мальчика и не видел очевидного; за самую ситуацию, которую нельзя закрыть приказом, подписью или разговором на пять минут.

И теперь каждый раз, когда закрываю глаза, передо мной стоит этот мальчик. С динозавром. Со словами: «Мама, я нашел папу!».

Возвращаюсь к столу. Сажусь и смотрю на телефон.

Я должен узнать правду. Не могу больше сидеть и гадать. Мне нужны факты. Даты, имена, хоть что-то.

Беру телефон в руки. Экран загорается, и я несколько секунд просто смотрю на список контактов. Листаю вниз, к старым, давно неиспользуемым именам.

Глеб.

Он когда-то был из той компании, где все знали все обо всех и еще полгода обсуждали это за чужой спиной. Отлично. Наконец-то это свойство будет полезным. Я смотрю на экран, выдыхаю через нос и нажимаю вызов.

Гудки. Три. Четыре. Я уже думаю, что он не возьмет — вечер, дела, семья, — когда в трубке раздается знакомый, чуть хрипловатый голос:

— Слушаю.

— Глеб, это Макаров, — говорю я. — Здравствуй.

Пауза. Секунда, другая. Он узнает меня по голосу, но не сразу, потому что мы не общались очень давно.

— Степан? — удивление, смешанное с осторожностью. — Вот не ожидал. Ты чего в такое время?

— Мне нужна информация.

— Какая?

— По Алисе Кравцовой.

Тишина. Он молчит достаточно долго, чтобы я понял: он знает что-то, но не уверен, стоит ли говорить.

— Алиса... — тянет он. — А тебе зачем?

— Скажем так, старые долги. — Мой голос звучит сухо, не располагает к дальнейшим вопросам.

Глеб вздыхает. Я слышу, как он отходит откуда-то, где шумно, в более тихое место.

— Степан, ты не знаешь?

— Что именно?

— Алиса погибла в аварии. Года три назад.

Я замираю. Даже дыхание останавливается на секунду, хотя внутри все уже знает. Надя говорила: «Она погибла три года назад». Я слышал это, но как-то мимо. А сейчас слово «погибла» бьет под дых.

— Я знаю, — говорю тверже, чем чувствую. — Мне нужно другое.

— Что?

— Где она была. С кем. Был ли у нее ребенок.

Глеб опять молчит. Я слышу, как он ходит по комнате.

— Слушай, я не знаю точно. Мы общались редко. Но... слышал, что ребенок у нее был. Пацана родила, вроде. Но это не точно, я не проверял. Кажется, она уехала из Москвы. Или вернулась к родным. Не помню точно. Был разговор, что у нее кто-то появился, потом еще что-то... Это все старые слухи. Она с тех пор мало с кем общалась.

— А от кого ребенок?

— Не знаю. Она не говорила. Может, и сама не знала, — он пытается пошутить, но я не смеюсь. — Слушай, Степан, ты бы у кого-нибудь другого спросил. У нее подруга была, Надя какая-то. Они близкие были.

Я сжимаю телефон сильнее.

— Я знаю.

— Ну тогда спроси у нее. Зачем через меня?

— Потому что хочу узнать раньше, чем спрошу.

Глеб замолкает. Он понимает, что я не отстану.

— Ладно, — вздыхает он. — Я позвоню паре человек. Может, вспомнят. Но быстро не обещаю.

— Сегодня позвонишь?

Он опять вздыхает, но не спорит.

— Хорошо. Постараюсь в течение часа узнать что-нибудь.

— Спасибо. Жду.

Я сбрасываю вызов и медленно кладу телефон на стол.

Погибла. Ребенок был. Все сходится. Но точного подтверждения нет. Смотрю на экран, который уже потух. Потом на папку с документами. На ручку. На пустое место, где лежал динозавр.

Жду.

За окном темно. В кабинете тихо. Глеб обещал позвонить в течение часа. Значит, я буду сидеть и смотреть на телефон. Каждую минуту. Пока не узнаю.

Я заставляю себя вернуться к документам. Пять минут. Десять. На одиннадцатой минуте в приемной что-то шуршит.

Сначала я не реагирую. Вентиляция, пакет. Марина могла оставить что-то на стойке. В большом офисе вечером всегда хватает звуков, которые днем тонут в голосах, звонках и шагах сотрудников.

Шорох повторяется. Уже ближе. Я поднимаю взгляд от папки и прислушиваюсь. Тихо. Потом снова: короткое, деловитое шуршание у дивана.

Я медленно встаю. Если этомышь, охрана завтра получит очень содержательную беседу о санитарном состоянии этажа. Если это пакет, у меня, видимо, уже начались слуховые галлюцинации на фоне Алисы Кравцовой и ребенка, который слишком похож на меня.

Выхожу в приемную и вижу у ножки дивана маленький рыжий комок. Сидит и умывается. Лапкой по морде, лапкой по уху — сосредоточенно, деловито, будто он здесь главный, будто его совершенно не смущает поздний вечер, пустой офис и мое присутствие.

Я останавливаюсь. Он тоже. Мы смотрим друг на друга.

— Только тебя сейчас не хватало, — говорю я в пустоту.

Шурик на секунду замирает, поворачивает морду в мою сторону. Смотрит. В его глазах ни тени раскаяния. Вообще-то, он тут по делу. Потом моргает черными бусинами глаз и продолжает умываться.

Я оглядываю приемную. Клетки нет. Соболевой нет. Мальчика нет. Значит, они уехали и даже не поняли, что один представитель их хаотичного семейства остался у меня в офисе.

Скорее всего, поймут вечером.

И я почти вижу, как Соболева стоит посреди квартиры с пустой клеткой в руках, как у нее сначала бледнеет лицо, потом сжимаются губы, потом начинается это ее героическое “я все сейчас решу”.

Можно позвонить.

Нужно позвонить.

Я достаю телефон, нахожу ее номер и несколько секунд смотрю на экран. Не нажимаю.

После вчерашней кухни, фотографии Алисы и того, что сейчас жду ответа от Глеба, разговаривать с Соболевой я не готов. Я не знаю, что именно скажу первым. И не уверен, что это будет про хомяка.

Телефон возвращается на стол.

— Значит так, — говорю Шурику. — До выяснения обстоятельств вы задержаны.

Он делает вид, что не понимает юридическую часть претензии.

Я наклоняюсь, накрываю его ладонью и поднимаю. Шурик возмущенно шевелит усами, но в целом ведет себя спокойнее некоторых участников сделки.

В кабинете быстро оцениваю варианты. Коробка из-под бумаги А4 занята документами, и переселять туда хомяка поверх приложений к договору я не готов даже сегодня. На тумбе у окна стоит широкая стеклянная ваза с декоративными сухоцветами и какими-то белыми камнями на дне. Подарок от дизайнеров, кажется. Или от Елены. Неважно.

Я вытаскиваю сухоцветы, кладу их на тумбу и опускаю Шурика в вазу.

Он тут же осматривается.

Потом ставит передние лапы на стекло и смотрит на меня с явным вопросом: «А кормить?».

Я возвращаюсь в кабинет, беру из вазочки на столе миндаль и кидаю пару орешков в вазу. Шурик мгновенно оживает, хватает их передними лапами и принимается грызть с таким видом, будто именно за этим он сюда и пришел.

Я сажусь за стол. Смотрю на него. Потом на телефон.

Глеб молчит.

Жду.

Тишина давит. Я перечитываю документ, но смысл уходит быстрее, чем я успеваю его поймать. Шурик в вазе скребет лапами по стеклу, пытаюсь выбраться, потом понимает, что не получается, и садится с обиженным видом.

— Что, не нравится? — спрашиваю я. — Мне тоже.

Он отворачивается.

Кидаю ему еще орешек. Он его игнорирует. Гордый, видите ли.

Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю в потолок. В кабинете тихо, только кулер в зоне отдыха гудит да хомяк шуршит.

— Я не боюсь детей, — говорю я в пустоту. — Я не люблю хаос. Это разные вещи.

Шурик на мгновение замирает, будто слушает. Потом снова начинает возиться.

— Он не должен был так спокойно спать рядом. Со мной. Чужой мальчишка. А он просто пришел и лег. Как будто так и надо.

Шурик набивает щеку орешком.

— У него ее глаза. — Я сжимаю челюсть. — Нет. Не ее. Черт.

Хомяк смотрит на меня. В его взгляде спокойное, почти философское терпение. Будто он готов слушать хоть до утра, ему-то что.

— Если он мой, почему я не знал? — Я смотрю на свои руки. — Если она знала... — мысль обрывается, потому что дальше — только хуже.

А если не знала? Тогда она просто родила и умерла, не успев сказать никому. Тогда виноватых нет. А значит, я просто идиот, который семь лет строил империю, а спросить у бывшей девушки «ты беременна?» так и не догадался.

Шурик чихает.

— Да, понимаю, — говорю я. — Тоже не любишь неопределенность.

Он скребет лапой по стеклу, потом поворачивается ко мне спиной.

— Спасибо за участие, — говорю я беззлобно.

Звонок.

Телефон вибрирует на столе, и я беру его раньше, чем успевает пройти первый гудок.

Глеб.

— Да.

На той стороне несколько секунд молчат. И этого хватает, чтобы у меня в висках начал стучать пульс.

— Степ, — говорит Глеб уже без прежней иронии. — Я кое-что узнал.

Я медленно выпрямляюсь в кресле.

Шурик замирает в стеклянной вазе, будто тоже понимает: сейчас будет не про орехи.

— Говори.

— Только сразу: часть информации со слов людей. Документов, понятное дело, у меня нет.

— Говори уже.

Глеб выдыхает.

— Алиса после вашего расставания действительно уехала. Не сразу, но довольно быстро выпала из общего круга. Сначала все думали, что просто обиделась на весь мир, ты же ее помнишь.

Помню. Я помню слишком многое и сейчас ненавижу собственную память за точность.

— Дальше.

— Через какое-то время пошли разговоры, что она беременна.

Пальцы сильнее сжимают телефон.

— Через какое?

— Точно не скажу. Несколько месяцев после вас. Может, меньше. Я сейчас не хочу врать.

В кабинете становится слишком тихо.

— Родила? — спрашиваю я.

— Да.

Одно короткое слово. И от него в груди что-то резко проваливается.

Я встаю. Слишком быстро. Кресло откатывается назад и бьется о тумбу. Шурик дергается в вазе, белые камни тихо шелкают по стеклу.

— Имя ребенка.

Глеб молчит секунду.

— Михаил.

Я закрываю глаза. Михаил. Миша. Мальчик с динозавром. Мальчик, который спал у меня под боком и дышал так ровно, будто весь мир на пять минут остановился.

— Фамилия?

— Кравцов. По матери.

Я открываю глаза и смотрю на стол, на документы, на телефон, который все еще держу слишком крепко.

— Отец?

— Никто не знает. По крайней мере, люди говорят, что Алиса имя отца не называла. Вообще. Отшучивалась, злилась, уходила от темы. Кто-то думал, что мужчина женат, кто-то, что она сама не захотела связываться. Обычная каша из слухов.

Челюсть сводит.

— Она была замужем?

— Нет. Насколько я понял, официально нет.

Я медленно делаю вдох через нос. Не помогает.

— Ребенок сейчас где?

Голос звучит ровно. Глухо. Почти без интонации.

Глеб, кажется, тоже это слышит.

— После аварии... Ребенка сначала забрали мать Алисы и ее муж, Воронцов. Оформили опеку. А живет пацан с подругой Алисы Надежда, кажется. Неофициально. Формально решения и выплаты у опекунов, а ежедневная жизнь ребенка на ней. Такая вот договоренность.

— Ты уверен?

— Насколько могу. Люди говорят, мальчик живет с Надеждой. Она им занимается каждый день.

Перед глазами сразу возникает Надя на кухне. Надя, которая сказала: “Я растила Мишу с тех пор”. Я растила. Не “помогала”. Не “иногда забирала”. Растила.

— Почему ребенок у нее, если опекуны Воронцовы?

— Насколько я понял, им тяжело. Возраст, привычная жизнь, не готовы были тащить маленького ребенка каждый день. А Соболева была рядом с Алисой, ребенок к ней привык. Все договорились. Воронцовы официально опекуны, она фактически с ним живет и занимается.

— Все договорились, — повторяю я.

Получается тихо.

— Ну... да. Типа всем удобно.

Всем удобно. Воронцовы сохраняют статус. Деньги. Право решать. Соболева растит ребенка. А я...

Я вообще не существую в этой схеме. Шесть лет. Я не существую шесть лет.

— Они знали, кто отец? — спрашиваю я.

— Понятия не имею. Ты сам понимаешь, если Алиса никому не говорила...

— Она могла сказать матери.

— Могла.

— Или подруге.

Пауза.

— Могла, — осторожно говорит Глеб.

Вот здесь внутри становится особенно холодно. Надя. Ее глаза вчера на кухне. Ее рука на моем локте. Ее голос: «Вы меня пугаете».

Знала? Не знала? Если знала, почему молчала? Если не знала, почему у меня все равно такое чувство, будто меня только что ударили?

Я медленно сжимаю свободную руку в кулак. Ногти впиваются в ладонь, и эта боль хотя бы понятная.

— Скинь мне все, что нашел.

— Степан, — Глеб впервые за весь разговор говорит мое имя не как старый знакомый, а как человек, который понимает, куда все идет. — Ты сейчас не делай резких движений.

Я смотрю на стеклянную вазу.

Шурик сидит на белых камнях, держит в лапах орех и смотрит на меня своими черными бусинами. Абсурдная, рыжая точка в кабинете, где только что рухнуло шесть лет моей жизни.

— Поздно, — говорю я.

— Что?

— Скинь информацию.

Я отключаюсь.

Телефон остается в руке. Я еще несколько секунд держу его у уха, хотя разговор уже закончился. Потом аккуратно кладу на стол.

Слишком аккуратно. На столе документы по сделке. Папки. Ручка. Телефон. Ваза с задержанным хомяком. Все на своих местах.

Кроме меня.

Я резко разворачиваюсь и прохожу к окну. Стекло отражает кабинет, мое лицо, белый ворот рубашки, жесткую линию плеч. В отражении я выгляжу спокойно.

Хорошая шутка. В висках стучит. Алиса родила сына. Михаил Кравцов. Отец не известен. Людмила Сергеевна и Воронцов оформили опеку. Соболева растит его по факту. Шесть лет.

Я смотрю вниз, на огни города, и внутри поднимается ярость.

На Алису за молчание. На Воронцовых за удобную схему. На Соболеву за то, что она стоит в центре всего этого, даже если сама не понимает где. На себя за то, что не заметил. За то, что сидел рядом с мальчиком, смотрел на его лицо, слушал его вопросы, держал его сонного под боком и не сложил очевидное раньше.

Шурик скребет лапами по стеклу. Я оборачиваюсь.

— Что? — говорю тихо. — Тоже считаешь, что ситуация вышла из-под контроля?

Он продолжает скрести.

— Согласен.

Я подхожу к столу, беру телефон и смотрю на экран.

Надя Соболева.

Мой палец застывает над экраном. Звонить сейчас? Спрашивать? Срыватьсь?

Нет.

Не сегодня. Сегодня я не готов слышать ее голос. Сегодня, если она скажет что-нибудь не то, я сорвусь. А мне нужны не эмоции. Мне нужна правда. И я хочу видеть ее лицо, когда задам этот вопрос. Хочу смотреть в глаза и понимать, врет она или нет.

Я кладу телефон обратно, открываю календарь, смотрю на завтрашнее утро и стираю первую встречу.

Завтра сначала будет Соболева.

Если Миша мой, мне лгали шесть лет. И завтра я узнаю, кто именно.

Глава 16. Надежда

Утро начинается с пустой клетки на столе. Я сажусь на кровати и несколько секунд смотрю в стену, пока не вспоминаю: Шурика дома нет.

Голова тяжелая, во рту сухо, внутри неприятно ноет. Вчера, когда Миша сказал «наверное, в офисе остался», я не поверила. Перерыла всю квартиру, заглянула под шкаф, за диван, даже в стиральную машину — вдруг? Шурика нет. Значит, он действительно там, у Степана.

Я уже представляю, как изменилось его лицо, когда он увидел Шурика, конечно же, в самый неподходящий момент в самом неподходящем месте. Я невольно зажмуриваюсь.

А вдруг он вчера вообще не приезжал в офис? Или приезжал, но Шурика не заметил? Тогда у меня есть шанс найти хомяка первой и сделать вид, что ничего не произошло. Да! Надо срочно ехать в офис Степана.

— Миша, сынок, просыпайся! — кричу сыну и бегу готовить завтрак.

— Мам, мы за Шуриком поедem? — Миша появляется в дверях сонный, взлохмаченный, динозавр под мышкой. — Он там, наверное, уже начальником стал.

— Надеюсь, что нет, — говорю я, размешивая кашу.

Пока Миша завтракает, я собираю документы и дважды проверяю папку, хотя прекрасно помню: все на месте. В голове вспыхивает доверенность Корсакова — он ждет ее сегодня, я должна подготовить текст, вставить в пакет, сделать так, чтобы Степан подписал не глядя. Выкидываю мысль, но она возвращается, и дыхание сбивается.

— А если Шурик всю ночь грыз документы? — Миша смотрит серьезно, пока я застаиваю ему рубашку.

Замираю. Вариант звучит слишком правдоподобно.

— Будем надеяться, он выбрал не самые важные.

— Он умный, — уверенно заявляет Миша. — Он найдет самые важные.

— Вот именно это меня и беспокоит.

Выходим, ловим такси. По дороге я смотрю в окно, почти не слушая Мишины рассуждения о хомячьей карьере. Внутри тревожно, но не только из-за хомяка.

Я почти не спала. Даже хуже, чем после того вечера с фотографией Алисы. В голове все время крутились одни и те же куски: Степан в моей кухне, его поднятая рука, резкий шаг назад, потом Корсаков с его спокойным «доверенность должна быть внутри». А теперь еще Шурик, который остался в офисе именно в тот день, когда Степан не появился после всего, что между нами почти случилось.

Хомяк как будто специально решил стать связующим звеном между моим чувством вины, чужой сделкой и мужчиной, от которого мне срочно надо держаться подальше. Прекрасно. Просто семейная сага в миниатюре, с рыжим диверсантом в главной роли.

В офис мы приезжаем чуть раньше девяти.

Приемная выглядит как всегда: Марина за стойкой, графин с водой, ровные папки, утренний деловой шум. Но сегодня в этом порядке есть что-то слишком натянутое. Марина поднимает голову сразу, и по ее лицу я понимаю: нас ждали.

— Доброе утро.

— Доброе.

Она переводит взгляд на дверь кабинета, и я понимаю: он там. И что-то не так.

— Степан Евгеньевич ждет вас, — говорит она тихо. Слишком тихо.

Я хмурюсь. Ждет? Обычно он не ждет. Обычно он в кабинете, я захожу, мы работаем. А сейчас — «ждет». И голос у Марины осторожный.

— Вы проходите к Степану Евгеньевичу, а Миша пока со мной посидит, — говорит она. Внутри неприятно екает.

— Марина, а хомяка не находили? Миша уверен, что Шурик вчера остался здесь — спрашиваю я.

— Он тоже в кабинете. Проходите.

И тут все встает на свои места. Значит, Шурика нашли. И, судя по лицу Марины, ночевка хомяка в кабинете генерального директора прошла не в формате “все нормально”. Что ж, придется снова выслушать речь о моей безответственности.

Я ставлю клетку и поворачиваюсь к Мише.

— Посиди здесь, хорошо?

— А Шурик? — он смотрит на меня.

— Я сейчас поговорю с дядей Степой и вынесу Шурика.

— А дядя Степа подружился с Шуриком?

— Конечно, подружился. Посиди с Мариной. Я быстро.

В кабинете пахнет кофе и бумагой. На столе лежат документы по сделке и стеклянная ваза с Шуриком внутри. Хомяк сидит спокойно, умывается. Единственный, у кого никаких проблем и переживаний.

Я перевожу взгляд на Степана.

Он стоит у окна. Свет падает сбоку, подчеркивая жесткую линию скул и тени под глазами. Он почти не спал. Я замечаю это сразу и тут же злюсь на себя за то, что замечаю.

— Доброе утро, — говорю я.

— Сядьте.

— Я постою.

Он поворачивается ко мне полностью. Так медленно, будто дает мне время понять, что сейчас будет сложный разговор.

— Сядьте, Надежда.

Голос не грубый, но в нем нет и намека на выбор. Я опускаюсь в кресло, кладу папку на колени и заставляю пальцы не сжиматься в замок. Он не садится. Несколько секунд просто смотрит на меня, и с каждой секундой мне все сильнее кажется, что этот разговор не о Шурике и не о сделке.

— Шурика я заберу, — говорю, чтобы нарушить тишину. — Спасибо, что...

— Это потом, — перебивает он. — Сейчас речь о другом.

Внутри все стынет.

— О чем?

Он не отвечает сразу. Смотрит, и я чувствую, как под этим взглядом становится трудно дышать. Грудь сдавливает, ладони холодеют.

— Алиса Кравцова, — произносит он.

Я моргаю.

— Что Алиса?

— Расскажите мне о вашей подруге. О матери Миши.

Я сжимаю пальцы на коленях. Ногти впиваются в ткань брюк.

— Что вы хотите знать?

— Все.

— Я не понимаю...

— Кто отец ребенка?

Воздух в кабинете становится плотным, как перед грозой. Я чувствую, как сердце начинает биться чаще, но я стараюсь держать лицо.

— Я не знаю. Она никому не говорила.

Степан чуть наклоняет голову.

— Совсем никому?

— Никому. — Мой голос звучит ровнее, чем я чувствую. — Я спрашивала несколько раз. Она уходила от ответа. Говорила, что это неважно, что она справится сама. Я думала, может быть, тот человек был не свободен. Или она не хотела с ним связываться. Я не знаю.

Степан сжимает челюсть. Желваки ходят ходуном.

— Вы были близкими подругами.

— Да.

— Настолько близкими, что после ее смерти растите ее сына.

— Да.

— И она ни разу не сказала?

Внутри поднимается горячая, спасительная злость, потому что страх уже начал подползать слишком близко.

— Вы сейчас в чем меня обвиняете?

— Пока ни в чем.

— Плохо получается.

Он не моргает. Смотрит с холодной, пугающей прямоотой, от которой хочется отвести глаза. Но я не отвожу.

— Когда родился Миша?

— Вы действительно собираетесь устраивать мне допрос?

— Дата рождения.

— Вы знаете, что это звучит отвратительно?

— Дата, Соболева.

Я встаю. Кресло скрипит, откатывается назад.

— Шестого мая. Ему шесть. Весной будет семь.

Слова повисают в воздухе. Я вижу, как что-то меняется в его лице. Но это не эмоция, скорее расчет. Быстрый, беспощадный, в который вдруг попадаю и я, и Миша, и Алиса, и все эти годы.

— В документах отец тоже не указан?

— Нет.

— Почему?

— Потому что Алиса не указала.

— Но отчество у ребенка есть?

— Иванович. По отцу Алисы.

Степан делает шаг ко мне. Один, короткий шаг, но мне кажется, что между нами больше не осталось расстояния. Я чувствую опасность, которая пробирается под кожу и заставляет внутренности сжиматься.

— Вы понимаете, что говорите о человеке, который умер? — мой голос дрожит, я с трудом держу его ровным.

— Я говорю о ребенке, отец которого не указан в документах.

— А я говорю о своей подруге, которая не обязана была перед вами отчитываться!

— Как раз передо мной, возможно, она была обязана отчитаться.

Он почти рычит. В этом «возможно» столько стали, что у меня перехватывает дыхание.

Я замираю. Сердце делает резкий, болезненный скачок.

— Что это значит?

Он молчит. И в этом молчании вдруг складывается все: его лицо у фотографии Алисы, вопрос о фамилии, ночной уход, отсутствие утром, Шурик в вазе, этот разговор, его холодная злость, от которой в кабинете становится тесно.

Я не хочу понимать. Но страшная догадка уже проросла в голове.

— Ее родители — официальные опекуны. Почему Миша живет с вами?

Холод разливается по животу, поднимается к груди.

— Они пожилые и не были готовы. Сказали, что я могу жить с ним, а они будут иногда брать Мишу на выходные. Документы на них, деньги на ребенка они получают. Но Миша со мной. Так договорились.

Я не знаю, зачем объясняю все это. Но в груди уже что-то оборвалось.

— Зачем вы устроили этот допрос?

— Затем, что ситуация меняется.

Степан медленно выпрямляется, поправляет манжету. Жест спокойный, почти расслабленный, но я вижу, как напряжены его плечи.

— Я навел справки. Алиса была беременна после нашего расставания. Родила сына и назвала Михаилом.

Я перестаю дышать.

— Сроки сходятся. И Миша очень похож на меня.

Он замолкает. И в этой паузе я слышу только стук собственного сердца.

— Вы хотите сказать... — голос срывается на шепот.

— Миша может быть моим сыном.

Слова падают в тишину, тяжелые, как камни. Я смотрю на него, на его лицо, на руки, сцепленные в замок. Пальцы у него белые от напряжения.

— Что? — выдыхаю.

— Вы слышали.

— Не может быть...

— Может. И мне нужен тест ДНК.

Я резко встаю. Кресло с грохотом откатывается, ударяется о стену.

— Вы не можете...

— Могу. Если он мой сын, я имею право знать.

— О каком праве вы говорите?! — голос срывается, я не могу его сдержать. Горло сдавливает, слезы подступают к глазам, но я не даю им волю. — Вы не были рядом! Вам не нужны были ни Миша, ни Алиса! Вы вообще...

— Я не знал, — перебивает он жестко. — Потому что Алиса не сказала. А вы молчали шесть лет.

— Я не знала! — кричу я. — Я не знала, что вы ее бывший! Я не знала, что вы тот самый подлец, бросивший мою подругу с ребенком!

Он смотрит на меня долго. Очень долго. Под его взглядом я чувствую себя маленькой, ничтожной, загнанной в угол.

— Теперь знаете, — говорит он тихо.

— Это ничего не меняет.

— Меняет. Я имею право на тест.

Мы стоим друг напротив друга. Между нами стол, документы, ваза с хомяком, который, кажется, единственный в этой комнате сохраняет спокойствие. Мои руки дрожат, пальцы ледяные. В груди пустота, в голове шум.

— Я не позволю, — говорю я.

— Я не спрашиваю вашего позволения.

— Вы не имеете права.

— Имею. Больше, чем вы.

— Я его мать.

Он делает шаг ко мне. Не угрожает, но сокращает дистанцию.

— Нет. Вы не его мать. По документам вы ему никто, Соболева. И если Миша мой сын, я не оставлю его в этой схеме.

— В какой схеме?

— В той, где одни получают права, другие — деньги, третьи — обязанности, а ребенок живет так, как всем удобно.

Я не сразу понимаю, что перестала дышать. Просто стою и смотрю на него, а пальцы почему-то не слушаются. Папка выскальзывает из рук и падает на пол.

— Что? — шепчу я. — Вы хотите отнять у меня ребенка?

Голос ломается. Я сжимаю кулаки, ногти впиваются в ладони, но боль не пробивается сквозь панику.

Степан не отвечает.

За дверью раздается Мишин голос:

— Мам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.